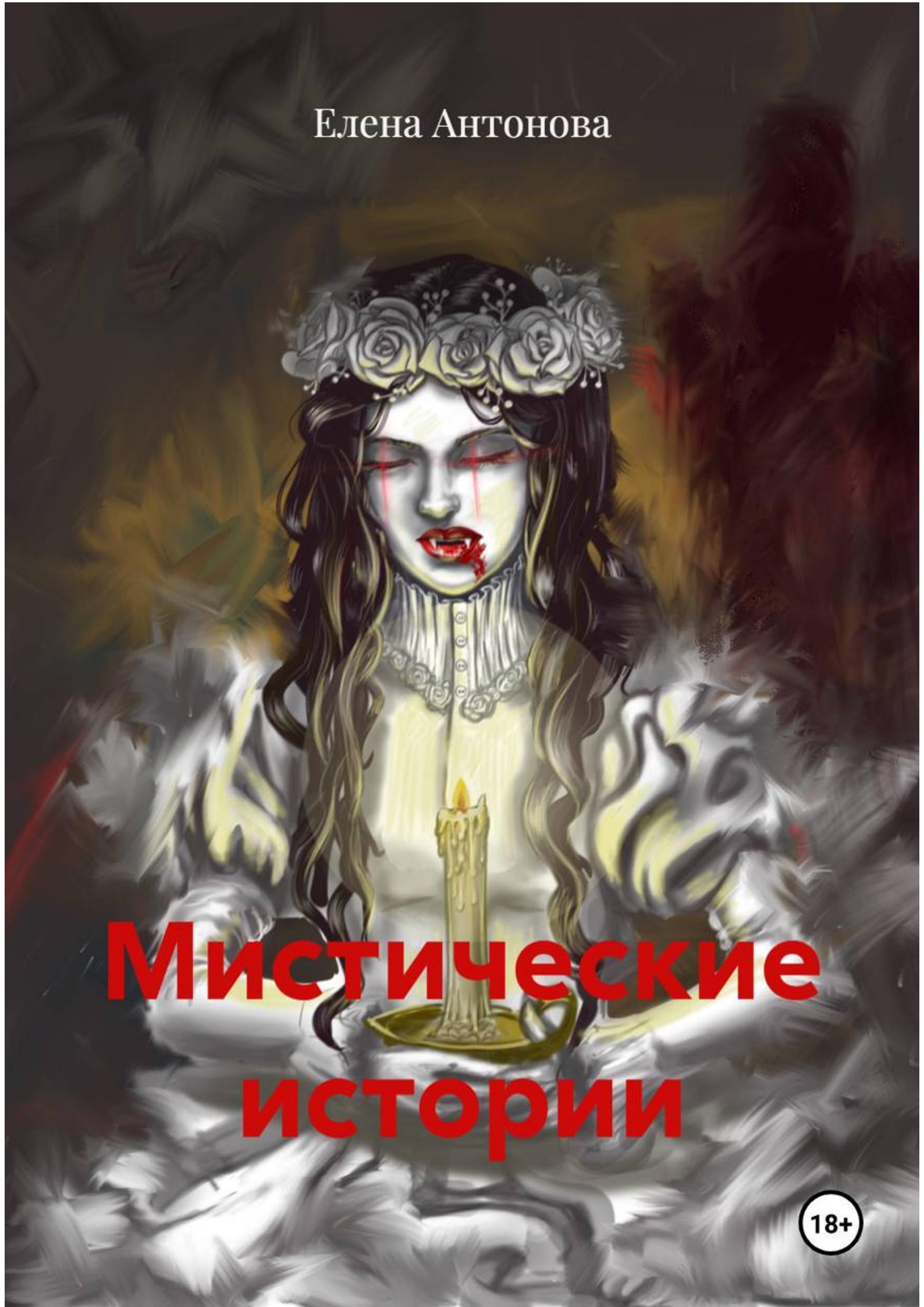

Елена Антонова

Мистические истории

18+

Елена Антонова

Мистические истории

«Автор»

2026

Антонова Е.

Мистические истории / Е. Антонова — «Автор», 2026

Наша Вселенная настолько глубока и многогранна, что человечество до сих пор спорит о ее бесконечности, безграничности, и о том, что она может творить? Кто знает какими необычными существами и событиями она может нас удивить? В этой книге перед читателем открывается пять необычных, порой ужасающих историй, где любовь, легенды и мистика сплетаются в одно целое фантастическое приключение. Первая история: Случай в психиатрической больнице. Вторая история: Шепот пещер. Третья история: Наследие волка. Четвертая история: Венчание с морем. Пятая история: Тайна Некрополя.

© Антонова Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Антонова

Мистические истории

История первая

Случай в психиатрической больнице

1883г.

Царская Россия. Санкт-Петербург. С самого рассвета не переставая лил холодный дождь и воздух уходящей осени, в которой и так не сохранилось никакого признака тепла, успел пропитаться запахом сырости. Из-за постоянных дождей в этой части Российской Империи осень была довольно холодной и людям не приходилось снимать свою верхнюю одежду, за исключением редких солнечных дней, когда солнышко заставляло любителей прогулок, облачаться в легкие плащи.

Этим ранним, но непогожим утром коляска с крытым верхом, запряженная двойкой черных, как смоль жеребцов, подъехала к воротам трехэтажного здания, выполненного в стиле ампира, что располагалось на обширной территории лесопарковой зоны. Это строение с его ухоженными палисадниками, лавками и бюстами во дворе, можно было принять за старинную усадьбу, но было одно «но», которое заставляло проезжающих мимо воротить нос. Этим неприятным «но» была табличка на воротах, предупреждающая о том, что это вовсе никакая не усадьба, а «Городская психиатрическая больница» - территория абсурда и душевных перепадов.

Герман Ларионов, заплатил подвезшему его кучеру и вошел в здание старенькой психбольницы. Худощавого телосложения и среднего роста паренек с очень пронзительными светло-кариими глазами с зеленцой и приятной внешностью английского денди немного нервничал, ведь сегодня его первый день работы, и он не знал, как примет его коллектив и какие трудности его ждут впереди, но всем своим существом он надеялся, что все будет в порядке. Хотя внешне он выглядел довольно уверенным в себе, внутренне, все же его съедали переживания и сомнения по поводу принятия его на первую в жизни должность и поэтому его пальцы на руках немного подрагивали.

Поправив свои юношеские усики, которые он отращивал специально для того, чтобы казаться более взрослым, он, прошел через калитку и неспешно направился ко входу в здание. Стоя перед высокой резной деревянной дверью, с которой давным-давно слезла краска, он мысленно отогнал свою робость и сказал себе «смелее».

Опрятно одетый молодой человек приятной наружности, вошел внутрь выбеленного здания, кое-где снаружи покрытого плесенью и плесенью и, сняв свою войлочную черную шляпу-котелок с короткими краями, прошел через просторный холл к мужчине в картузе и, трясущимися от волнения руками протянул документы.

- Новый сотрудник? – Спросил дежурный, быстро пробежав по протянутой записке глазами и, дождавшись кивка головой от молодого человека, продолжил. - Что ж, добро пожаловать. Это вам нужно подняться к главврачу. Он на третьем этаже. – протягивая документы обратно, поприветствовал с сухостью в тоне мужчина с седеющими пышными усами.

Молодой человек поблагодарил любезного привратника за информацию и, дождавшись, когда тот отойдет ему железную дверь, отделяющую внешний мир от мира психически нездоровых людей, направился вверх по старенькой облезлой лестнице, перила которой были шедевром искусства, ни чуть не хуже, чем в доме его родителей, но в отличие от них, требовали реставрации.

Вид увядающей больницы несколько не пугал привыкшего к домашнему уюту и роскоши Германа, а наоборот, эти спартанские условия порождали в нем некий походный романтизм, где он мог проявить свою мужественность и выносливость, и быть ближе к простым людям,

которых собирался спасать от самих же себя. Это была истинная цель его намерения, от которой он не желал отступать и всей своей силой духа пытался доказать, что он справится, сдюжит и выстоит.

Герман Максимович Ларионов – умный, амбициозный и воспитанный паренек, был лучшим выпускником медицинского университета и не удивительно, ведь обладатель аккуратной стрижки и строгого шерстяного темно-серого костюма, был врачом в третьем поколении очень прославленной в кругах медицинской элиты семьи, но вот только он немного отклонился от курса и пошел по направлению психиатрии, когда его отец и дед были выдающимися хирургами.

Еще с детства маленький Герман знал, что пойдет по стопам отца и деда, ведь не зря же его обучали точным наукам, к тому же и сам мальчик с радостью отдавал предпочтения, участвовать в разговорах родных, касаемых их профессиональной деятельности, чем гонять футбол с уличными мальчишками и бездарно тратить время впустую на безрезультативные развлечения. Несомненно, его любовь к медицине была в частности привита окружением, в коем он рос, но единственное, что завлекало его по-настоящему это не телесные повреждения, а душевные. Собственно, эту тайну мальчик и желал узнать, дабы, имея добродетельное сердце, суметь спасти многих от их душевных недугов. Эта идея захватила его еще в детстве, когда он наблюдал за своей душевнобольной кузиной по линии матери, с которой они часто виделись и которая была на 5 лет старше его. В то время милая и нежная Елизавета Аксакова часто страдала сменами настроения, не редко галлюцинациями, а в подростковом возрасте проявляла суицидальные наклонности и мучилась припадками. Герман искренне любил родственницу и желал ей выздоровления, но все его мольбы не оправдались. В конечном итоге, в возрасте 17 лет девушку вытянули из петли холодную и бездыханную, а Герман пообещал себе, что доберется до причины такого поведения и с тех пор не отступал от данных себе слов.

Стоя у закрытых дверей кабинета главврача, Ларионов замешкался, думая, как ему представиться, но неожиданный голос опередил его.

- Черт возьми, да кто же там такой нерешительный? Входи уже! – Послышался зернистый грубоватый голос из кабинета.

Герман так и врос в пол, т.к. он не знал кому адресован этот экспромт и немного растерялся.

- Черт возьми! Я вижу ботинки через щель своей двери. Если кто-то именно ко мне, то проходите, а если нет, то проваливайте и не тратьте мое время. В конце концов это весьма раздражает!

Германа предупреждали, что главврач городской психиатрической больницы немного грубоват и своеобразен, но также он слышал, что это величайший из светил психиатрии современности и, что нет более лучшей кандидатуры для получения опыта, чем работать под его началом, а тут волей счастливого случая его словно бы отметили печатью судьбы и самого направили к профессору Перельману по рекомендательному письму, и ему до ужаса не хотелось бы опростоволоситься перед этой легендой.

Ларионов нерешительно открыл скрипучую дверь и смущаясь, просунул в кабинет голову:

- Простите, я Герман Ларионов. Я к вам по рекомендательному письму от декана...

Голос молодого человека звучал тихо и обрывисто, выдавая его волнение.

- Да, да, можешь не утруждаться, голубчик. – Голос главврача смягчился. - Залуцкий звонил мне намеренно и говорил о твоих выдающихся талантах. – Сказал лениво восседая на стуле крупного телосложения мужчина лет шестидесяти, с густой рыжеватой бородой и маленькими светлыми глазенками. – Проходи и садись. Вот бумаги на подпись, – добавил главврач в белом халате, небрежно швырнув потрепанную бумажную папку на край стола.

Аккуратно присаживаясь напротив, юнец с едва заметными усиками, под пронзительным взглядом серых глаз, чувствовал себя не в своей тарелке, словно находился под давлением тяжелого взгляда, выглядывающего из-под круглых линз, прикрепленных на носу зажимом.

- Так что, вы меня берете?

- Голубчик, хорошие мозги и руки никогда лишними не бывают, особенно в нашей сфере, где большая нехватка специалистов. Последнее время слишком большая текучка, и эту дыру в работниках мне нужно кем-то заткнуть. И мне все равно кто это будет, ты, или деревенский Ивашка, главное, чтобы работал, а не искал хорошей жизни, удирая от первых же трудностей.

Выслушав неудобную правду, Ларионов немного растерялся, ведь не ожидал, что в мире лести и наигранного лицемерия еще кто-то способен в лоб говорить свои мысли. Он хотел оправдаться и сказать, что он не боится трудностей и готов работать в поте лица, но решил промолчать, уж больно свирепый взгляд ему показался у профессора, который и заставил его молча принять критику.

- Так, когда мне можно преступить к своим обязанностям? – Спросил молодой человек, немного погодя, понимая, что хоть слова Перельмана были неприятными, все же он принят на работу и это породило в его сердце небольшую радость, которую было трудно скрыть, но он постарался.

- Сегодня же. Нет, сейчас же! Без промедления! – Прорекламировал мужчина, грузно поднимаясь из-за письменного стола. - Только учти, мне сопляки и нюни не нужны. Здесь происходит много того, что за гранью человеческого понимания и если ты мамочкин сынок, то лучше этот вопрос решить сейчас же: либо преступаешь к работе, либо возвращаешься под материнское крыло и не тратишь мое время, голубчик.

Герман замотал головой. Он не знал, что имел в виду главврач, говоря о грани человеческого понимания, но он был полон решимости доказать ему и своим родителям обратное, т.е. показать, что он чего-то стоит, а его выбор в профессии самый правильный.

- Что ж, если определился, то подписывай. Халат найдешь у завхоза, а потом пулей на второй этаж, у меня там обход по времени.

- Так, а что мне делать, ведь я только из инсти...

Федор Иосифович Перельман не дал парню договорить, ведь он не любил пустых разговоров и частенько договаривал за других.

- Пока что ходишь за мной, как тень. Наблюдаешь, выполняешь все, что я тебе говорю и записываешь, до тех пор, пока я не решу, что ты готов приступить к практике, но до этого времени никакой самостоятельности. Тебе понятно? – Строго он посмотрел в глаза юноши, который выглядел немного растерянным. – А теперь приступай, голубчик... - поторопил его Перельман, собираясь покинуть свой кабинет, но уже, стоя в косяке двери, обернулся, чтобы изречь напутствия новичку, решившему пополнить штат больницы. - Если ты ждешь официального приветствия, то его не будет. Мы здесь, чтобы исцелять, а не для коллективного одобрения или признания. – Закончил он, хлопнув дверью.

У Германа от знакомства с Перельманом осталось двойное впечатление: одновременно он был разочарован и восхищен, но ни то, ни другое не могло отнять его душевного ликования от того, что он принят самим Перельманом. Молодой мужчина уже мысленно представлял себе, как гордятся им его отец и матушка, и как все знакомые его отца и деда - вся эта элита, состоящая из светил науки,жимают его руку, как равному себе, а в его честь дед устраивает званые ужины, где все молодые особы, с восхищением и томящейся надеждой ждут только его внимания, игнорируя остальных ухажеров.

Эти мысли подбадривали Германа и он, взяв в руку перо, без тени сомнения расписался на бумагах.

Сразу после того, как новому специалисту выдали халат с шапочкой и ключи от отделений, юноша, облаченный в белое направился на второй этаж, как и приказывал ему главврач.

Крики, стоны и животные звуки, издаваемые людьми, немного поразили Ларионова, но не настолько, чтобы он повернул обратно, ведь обучаясь в университете, преподаватели часто водили его курс в подобные заведения, где студенты наблюдали всю низость человеческого существа лишенного рассудка.

Выходя из палаты в окружении медсестры и двух санитаров, профессор Перельман оторвался от записей и, обратил свой взор поверх круглых пенсне на стоящего в коридоре Германа.

- Черт возьми, голубчик! Почему так долго? Я уже решил, что лучший студент курса сдрейфил. – Сардонически произнес главврач, чем вызвал смешки медперсонала.

- Никак нет, господин Перельман. – С энтузиазмом сообщил юноша в обновке и направился к коллегам бодрой походкой.

Федор Иосифович мог похвалить, но не стал этого делать, ведь не любил все эти любезности. Он был выдающимся человеком дела, своего рода новатором в области психиатрии и защитил множество докторских, а также написал с полсотни эссе и диссертаций на тему психиатрии и ее роли в жизни. Плюс ко всем своим талантам, никто не делал работу лучше, чем он, поэтому многие из-за его высокого профессионализма, прощали ему его минусы в характере, к которым относились такие черты, как грубость, прямолинейность и неумение договариваться с людьми по средствам дипломатии. Одним словом, Ф.И. Перельман был интровертом, помешанным на своей работе, на которую променял свою родню и личную жизнь. Недостаток в общении и семейных ценностях, он глушил в крепких напитках и редких азартных играх в клубах, но это не мешало ему быть высококвалифицированным специалистом, ведь пил он исключительно в одиночестве и вне работы.

- Держи. – С приказным тоном, Перельман протянул историю болезни Ларионову и жестом, заставил его следовать за ним по коридору. – Это твоя первая пациентка. Как новичку, я упростил тебе задачу и даю самую безобидную, что содержится в одиночной палате... Но учти, это лишь единственный раз и в дальнейшем тебе придется видеть всякое, в том числе и защищать свою жизнь от буйных пациентов.

Слушая наставления старшего, Ларионов пробежался глазами по истории болезни и понял, что его пациентка совсем юная девушка с пограничным расстройством и хронической анемией.

Перельман остановился у железной двери, выкрашенной в светло-зеленый цвет и, дождавшись, когда санитар откроет ее, вошел первый в палату, что была наглухо занавешена темной драпировкой.

- Ну здравствуй, моя ласточка. – Заговорил Перельман неожиданно ласково, с улыбкой подходя к пациентке и нежно поглаживая ее по голове.

Темноволосая девушка с очень милыми чертами лица, как у ребенка, лежала привязанной к кровати с перебинтованной шеей. Она подняла свои глаза, под которыми залегли темно-синие круги, что еще сильнее выделялись на фоне ее бледной кожи. Поникий взгляд и ее бледные губы, делали ее схожей с мертвецом, но при этом ее неземная красота приковывала взгляды.

– Это наш новый сотрудник и мой младший помощник – Герман Ларионов. Можешь его не бояться. – Представил новичка профессор.

Девушка подняла свои большие темно-карие глаза, окаймленные густыми длинными ресницами и очень ласково поздоровалась с новым врачом, ослепляя его своей слабой, но очаровательной искрящейся улыбкой.

Главврач развязал ремни, что сковывали запястья пациентки и снова задал вопрос:

- Ну, как ты, моя девочка? Как спалось этой ночью? – Спросил Перельман, присаживаясь на край кровати. - Сегодняшней ночью твой друг тебя не навещал?

Девушка уселась на кровать и, растирая затекшие запястья, устало покачала головой.

Федор Иосифович откинул длинные блестящие темно-каштановые завитки с плеч девушки и приступил к осмотру ее шеи.

- Давай посмотрим твои раны, моя ласточка. – Ласково сказал он ей и принялся снимать повязку.

Девушка совершенно не сопротивлялась и Герман подумал, что из-за диагноза она просто не в состоянии это сделать.

- Ларионов, помоги мне. – Приказал Перельман.

Герман отложил папку в сторону и принялся за работу. Ослабив бинты и убрав их, он увидел на бледной коже девушки пониже левого уха, две небольшие ранки одинаково-круглой формы.

«Может у нее суицидальные наклонности?» - подумал про себя бывший выпускник университета.

- Раны затягиваются. – Заключил рыжебородый врач. – Это радует, ведь это значит, что ты идешь на поправку.

Закончив с осмотром юной особы и сменив ей повязку, Перельман и Ларионов, направились в кабинет, чтобы задокументировать наблюдения за пациентами.

- Кто она такая? – Спросил помощник академика, заинтересовавшись молодой пациенткой.

Федор Иосифович, оторвался от записей и сказал.

- Арина Ранкович - моя крестная дочь. - Сказал он, охладив юнца строгим взглядом, и потом уже пояснил обычным тоном. - С ее отцом мы очень дружны. Вместе учились в лицее и сидели за одной партой... Три месяца назад Назар Ранкович обратился ко мне, и поведал, что с Ариной стало твориться что-то непонятное: девочка стала бояться света, сильно уставала, сквернословила при виде священнослужителей, начала страдать лунатизмом, еще у нее появилась аллергия на еду, и, по непонятной причине она теряла много крови, а на вопрос о появившихся ранах на ее шеи, рассказывала о чудовище, что сосет ее кровь по ночам. Мы с Назаром все хорошо проверили. Окна и двери поместья были надежно заперты и в дом не мог никто проникнуть, поэтому я и пришел к выводу, что из-за лунатизма она ранит себя, ведь ее кровать была в крови. Арину госпитализировали и лечили лучшие врачи, но от их лечения стало только хуже, поэтому я забрал ее к себе и в течении всех трех месяцев лечу, но девочке лучше становится лишь на некоторое время, а после ее симптомы возобновляются.

Герману пришла в голову идея, что профессор просто проверяет его знания, ведь не может же он – величайший психиатр, не знать, что творится с его крестной дочерью, а значит Ларионов не должен посрамить своих преподавателей и сдать этот условный экзамен.

- Возможно у нее ОКР (Обсессивно-компульсивное расстройство)? Инъекции седативных исправят дело и успокоят тревожность пациентки. – Предположил Герман, блеснув своими знаниями, чем позабавил своего собеседника.

Перельман растянул губы в насмешливой, но кажущейся злой улыбке, из-за чего его курчава тускло-огненная борода с сединой, дрогнула.

- Ты решил мне дать совет, как лечить мою пациентку? Думаешь ее мучают навязчивые мысли? Что тебе дало право усомниться в моей компетентности? – С некой колкостью в голосе спросил главврач, от улыбки которого не осталось и следа.

Язвительность профессора загнала Ларионова в ступор и одним махом лишила его возможности проявить свои знания в полной мере.

- Простите, я всего лишь предположил. Я... я несколько не сомневаюсь в вашей... Простите. – Виновато опустив глаза, повинился Герман, продолжая ссыпать извинения.

Во взгляде Перельмана мелькнуло что-то победоносное, что говорило неопытному бывшему студенту: «то-то же, и не лезь со своими предположениями», но в целом, мужчина не

держал зла на институтского выскочку и тут же продолжил разговор, как будто этой неприятной напряженности между ними не было.

- За эти месяцы я поставил Арине, и сам же опроверг десяток диагнозов. Все тесты говорят об одном - она полностью вменяемая и не нуждается ни в каких препаратах.

- Тогда зачем вы ее держите здесь, в одиночной палате?

Профессор откашлялся.

- Здесь она под надежной защитой и не может навредить себе, к тому же и мне проще наблюдать за крестной дочерью. Я хочу разгадать эту тайну и докопаться до истины: почему вполне здоровая девочка днем, становится неуправляемой ночью? Что с ней происходит и какова причина ее перемен? К ее феномену у меня большой научный интерес и будет лучше, когда она под полным наблюдением все 24 часа. – Закончил Перельман задумчиво, глядя куда-то в пустоту, при этом выпучив глаза.

Увидев такого профессора, Герман сам засомневался в адекватности главврача, но вспомнив разговоры преподавателей, утверждавших, что работая с психопатами врачи сами порой становятся шизиками, скостил его поведение на эту причину, ведь, как повелось, все гении немного отличались от обычных людей и в некотором роде слыли чудаками и даже безумцами.

Вернувшись в реальность, Перельман спросил у Ларионова интонацией, пропитанной дружелюбием, что невольно польстило молодому специалисту:

- Какие у вас планы на вечер, коллега?

Прельщенный Герман, даже не из-за неопытности своей, а по наивности, посчитавший, что с ним заговорили, как с равным, заерзал на стуле и, с искренней радостной улыбкой, надеясь на то, что ему предложат нечто приятное, например, совместный ужин в конце рабочего дня, ответил:

- Вообще-то никаких и для вас я полностью свободен...

- Вот и чудесно, тогда остаетесь сегодня на ночное дежурство, голубчик! – Восторженно произнес главврач с ехидной улыбкой, которая так же быстро исчезла, как и появилась. - Честно говоря, из-за нехватки сотрудников для ночных смен, я уже неделю не был в стенах дома, что экономка уже начала сердиться, - закончил он.

Надежды Германа на приятный вечер были безжалостно разрушены его наставником, ведь он, уходя сегодня утром из родительского дома, даже не предполагал, что исчезнет на целые сутки, что могло вызвать волнение у его родителей, особенно у обожающей его матушки, которая чуть что, падала в обмороки от переизбытка чувств, переживая за своего единственного сына, в ком заключила всю свою жизнь и ее смысл.

Перед глазами юноши так и всплыла картина, где мать его запрокинув ладонь к своему лбу и, со словами «о, бедный мой малышок!», падает в объятия растерянного отца, теряя свою шляпку и сознание.

- А-а-а. А-а.. Как же... - Ларионов пытался возмутиться, но не мог, поэтому он открывал рот, а слова так и не посмели вылететь из его горла, чтобы противостоять этой рыжебородой горе, так испытующе наседающей на него своими серыми глазищами.

- Какие-то проблемы, коллега? – Приподняв строго густую рыжую бровь, поинтересовался солидный мужчина в халате и шапочке, держа руки у себя за спиной.

Герман опустил глаза и сдался человеку, возымевшему над ним свою власть:

- Н-нет, никаких.

- Отлично! - Победоносно заявил главврач и обыденным своим тоном дополнил. - А сейчас, голубчик, коротко я вас введу в курс дела, прежде, чем перейти к основным обязанностям.

Перельман рассказал молодому специалисту все, что касается больницы и пациентов: что следует делать, и чего не следует, к кому можно становиться спиной, а к кому не стоит

поворачиваться; в какую палату лучше идти с санитарями, а в какую нет, и кому, что колоть в случае острой необходимости, а кого выводить из катарсиса другими способами.

Профессор дал столько информации, что, даже у искушенного учебой Германа, кругом пошла голова и он не был в состоянии уместить это все за раз. Но, благодаря наставлениям главврача, Ларионов понял насколько Перельман любит свое дело и знает каждого пациента по имени и всю их историю жизни.

Далее его ждала бумажная работа на пару со своим наставником, а после трехчасовой кабинетной экзекуции был осмотр новых поступивших больных. Все это время, Герман следовал наставлениям профессора и по его приказу стал его тенью: он делал то, что ему велели и больше не пытался умничать или проявлять свою инициативу, а только наблюдал и внимательно слушал.

Уже к концу напряженной изнурительной работы, которая отняла все силы молодого специалиста, Ларионов понял, что пропустил обед, но не он один, ведь Перельман, от кого он не отходил весь день, тоже не обедал.

- Честно говоря, - обратился профессор к своему протеже, параллельно избавляясь от белого халата и накидывая на себя шерстяное темно-коричневое длинное в пол пальто, - сегодня вышел насыщенный день. Обычно все гораздо тише и спокойней, но будем считать, что это твое боевое крещение, дальше будет проще... Кстати, пока столовая не закрылась, пойдешь, я дам распоряжение и, если произойдет что-либо экстренное, не пытайся справиться с этим самостоятельно, а зови санитаров или разыщи меня через телефонистку. Ну а пока у тебя есть свободное время, изучай истории болезней пациентов и запомни, чтобы приступить к лечению, ты должен узнать пациента, как самого себя... Так тебе будет проще понять, чем вызвана болезнь и уже на основе этого назначить правильное лечение. – Сказал Перельман, а после вдумчиво добавил, как бы про между прочим, – хотя это невозможно...

- Что невозможно, Федор Иосифович? – Поинтересовался Герман, с нетерпением ожидая, когда главврач покинет больницу, и юноша сможет передохнуть и расслабиться в тишине.

Внимание Перельмана вновь вернулось к новому сотруднику.

- Знать себя, конечно! Ведь это же не возможно, и вы вскоре в этом убедитесь, голубчик. – Закончил рыжебородый и, повязав вокруг своей шеи вязанный шарф, надел на лысеющую макушку помятую шляпу с короткими полями, и, пожелав ему всего хорошего, наконец исчез из кабинета.

Впечатление нынешнее о профессоре у Германа, в отличие от первоначального, что сложилось в начале дня при знакомстве, сформировалось неоднозначное: он видел в нем того светила науки - преданного и верного своей профессии и делу, которым восхищались остальные, но с другой стороны этого краеугольного камня, скрывался многогранный человек, настроение которого менялось очень резко, и это иногда вызывало недопонимание, в основном из-за мыслей его, что изливались изо рта сумбуром, неподлежащим объяснению или толкованию. И, не понятно было, что ими он хотел сказать, либо, что имел ввиду, говоря запутанно, а местами резко или ласково.

«И как эти две абсолютно противоположных личности могут уживаться в этой заурядной внешности, несвойственной ни одному из этих типов?» - Мысленно поинтересовался юноша, размышляя о ученом еврее, развалившись на стуле.

Чуть позже, когда больница опустела, а вся суэта стихла с ночью, Ларионов поужинал и по телефонному аппарату, что на первом этаже, сообщил родным, о том, что его первый день работы немного затянется до утра, а также попросил не волноваться и не падать в обморок свою маман.

Как не странно, но родители восприняли новость спокойно, без лишних эмоциональных всплесков его матушки Ксении Александровны, и даже подбодрили своего отпрыска похвалами.

Получив наставление от родителей и восхищение собой, интерн отправился в ординаторскую, прихватив с собой историю болезней пациентов для изучения. К счастью ему никто не мешал заниматься любимым делом, а именно изучать. Дежурные санитары находились в отдельном помещении и предпочитали компанию друг друга за игрой в карты или обсуждением бытовых вопросов.

Ближе к полуночи в стенах больницы начала твориться настоящая вакханалия. Тяжело душевнобольные стали метаться по своим палатам и вести себя, словно они зверье: вешались на дверных ручках, взбирались на оконные решетки, влезая под самый потолок, скреблись в двери, прыгали по кроватям, будто дикие обезьяны, и, издавали звуки, заставляющие кровь холодеть от ужаса.

Новичку по этому поводу пришлось несладко. Вместе с санитарями Герман утихомиривал жертв припадков с помощью медикаментов и деревянных дубинок, сотворенных специально для таких случаев, чтобы успокаивать особо агрессивных пациентов и не дать им напасть на персонал.

Усмирив всех взбунтовавшихся, эмоционально и физически выжатый Ларионов поплелся в ординаторскую и, чувствуя гнетущую усталость и какое-то душевное беспокойство, он принялся за прошлое дело, от которого его ранее отвлекли.

Словно тяжелый мешок картошки, Ларионов упал в кресло. Из-за напряжения в первый же свой рабочий день, он так и не смог уснуть, поэтому взял в руки историю Арины Ранкович и стал с интересом изучать ее.

Девушка так приглянулась ему, что в нем пробудился синдром спасателя. Увидев эту ангельской красоты изнуренную юную особу, напомнившую своей миловидностью и добротой его почившую кузину Елизавету, Герману тут же захотелось стать для нее рыцарем в сияющих доспехах, что вырвет несчастную из лап душевного недуга. Эта идея так сильно захватила его ум, что молодой человек ни о чем другом думать уже не мог и, когда уже свет во всех палатах был вновь потушен, а в коридоре зажгли все ночники, Ларионов решил мельком взглянуть на спящую Арину.

Молодой психиатр, под видом того, что Перельман приказал ему наблюдать за пациенткой пуше, чем за остальными, взял ключи от одиночного сектора и палаты у дежурного, и направился на второй этаж, в самый конец крыла, где находилась палата Ранкович.

Пройдя по освещенному ночниками коридору, Герман остановился у изолированной палаты под номером 113 и заглянул в окошко. Внутри было очень темно и практически ничего не видно, но по нечетким очертаниям можно было разобрать спящую девушку, привязанную ремнями к кровати, подобно Гефесту, прикованному к скале, обреченному на страдания за его доброту.

Убедившись, что пациентка находится в покое, Ларионов собрался уже уходить, как вдруг, он увидел большую темную тень, плавно приблизившуюся к кровати спящей. Это черное облако было похоже на крупного мужчину высокого роста, толи в плаще, толи в длинном до пола пальто. Молодой психиатр подумал, что из-за напряженного чтения его глаза устали и, что это ему померещилось, но тень, подлетев к девушке нагнулась над ее головой, перекрыв собою очертания Арины.

Герман с силой зажмурил глаза и снова открыл. Тень никуда не исчезла, тогда он стал часто моргать веками, но и в последствии манипуляций, ничего не изменилось и только тогда молодой мужчина понял, что что-то не так.

Сквозь двери Ларионов услышал приглушенные стоны Арины и причмокивания, сопровождающиеся хлюпающим звуком и ритмичным скрипом железной койки, и заметил, как связанная девушка извивается под черным силуэтом, обхватив тело ночного гостя своими изящными белыми ножками.

Молодой психиатр осознал, что это не галлюцинации и помимо Арины в палате присутствует кто-то, кто совершает над его пациенткой непотребства. Юноша лихорадочно стал искать ключ от палаты 113 в кармане халата и параллельно ударил по массивной железной двери, отгоняя незнакомца от несчастной.

Когда же замок поддался, и железная дверь отворилась, Ларионов вбежал в палату.

Свет ночников из коридора осветил крошечное пустое помещение. Герман огляделся, но в палате, кроме, него, перепуганного до смерти, и самой пациентки, никого больше не было, а вся комната пропахла кровью и чем-то, что навивало ассоциации с запахом кладбища, смешанным с запахом сырой земли и тлена.

Юноша направил свое внимание на девушку, Арина Ранкович продолжала бессознательно стонать и выгибаться в экстазе, ерзая ногами по простыни, словно бы она была под воздействием чьего-то гипноза. Ее ночная рубашка была задрана до самых грудей и обнажала прекрасную точенную фигурку и упругие бедра. Ее белоснежные округлые груди с возбужденно торчащими пиками колыхались, маня прикоснуться к ним и ощутить их тяжесть в руках, а плоский животик, покрытый мурашками вздымался, моля о тепле и искушал взглянуть на темный треугольник по ниже пупка.

Герман проглотил слюну и, поборов в себе искушение прикоснуться к женскому горячему телу, принялся за поиск ночного гостя, но вердикт однозначный – никого. Даже под койкой, куда заглянул молодой врач, было пусто.

«Не может быть!» - Подумал психиатр. - «Я же определенно видел высокую мужскую фигуру в накидке».

Но реальность оставалась такова: в палате был он и, спящая пациентка, прикованная к кровати. Тогда, Ларионов подошел к сопящей девушке и, краснея от смущения, поправил ее ночную сорочку и накрыл ее одеялом, затем наклонился, чтобы убедиться, что она не бодрствует. Определенно Арина крепко спала, а ее действия во сне и стоны, были обусловлены активностью мозга. При осмотре Герман увидел, как повязка с ее шеи сорвана, а раны открыты. Так же, на полу у кровати ему на глаза попались небольшие капли крови. Такие же кровавые следы, словно бусы, тянущиеся друг за другом капельки крови, он увидел и на краю белоснежной подушки, спускающиеся вниз по полу палаты, след которых прервался в полуметре от окна, драпировку которого по просьбе самой пациентки снимали на ночь, чтобы свет луны проникал в палату. Герман проверил окно и не обнаружил ничего, чтобы свидетельствовало о том, что через него проникали, тем более, что через надежную металлическую решетку никто не смог бы сделать это. Далее новоявленный психиатр проверил ремни, что связывали руки девушки, подозревая, что она могла себе навредить, но они были хорошо зафиксированы, т.е. Арина не могла ранить себя во сне... тогда кто это мог сделать?

«Каким образом кровь оказалась на полу и подушке? Если бы она как-то задела бинты во сне, то кровь была бы на ее шее и пальцах, а не только на подушке». - Рассуждал про себя он.

Решив оставить ответ на этот вопрос до утра, молодой человек попытался привести стоющую девушку в чувства.

- Арина. Арина, проснитесь! – Слегка он встряхнул пациентку за плечи.

Девушка перестала выгибаться и ее закатившиеся вверх глаза постепенно сфокусировались на его лице.

- М-м-м. Что такое? – спросила она задыхающимся голосом и с опаской завертела головой по сторонам, словно кого-то искала.

- Вам снился страшный сон, и вы стонали. Я разбудил вас намеренно...

- О, доктор, спасибо вам, - прервала его Арина, - Могу ли я вас попросить, чтобы вы остались со мной до утра. Меня жутко тянет в сон, но я боюсь оставаться одна. – Сказала она ослабшим голосом, более сонно.

Герман зарделся от такой просьбы, ведь, как минимум - она была немного неприличной, но при этом не противоречила правилам больницы и не имела причин, чтобы отказать. С какой стороны не посмотри, юноше было лестно и он даже гордился собой и тем, что самая красивая девушка, которую он когда-либо встречал, нуждается в нем, как в своем защитнике.

- Конечно. Можете быть спокойны и засыпать, я останусь и буду сторожить ваш сон.

Не успел Ларионов закончить фразу, как заметил, что девушка уже погрузилась в царство Морфея и крепко накрепко уснула.

Немного разочарованный молодой интерн, поправил свои усики и с видом брошенного щенка, принялся исполнять обещанное, а, чтобы хоть как-то снять свое огорчение он зафиксировал повязку на шее юной пациентки, стал ждать рассвета.

С пением петухов, доносившихся издали, ранним промозглым утром, еще до первых рассветных лучей, проклевывающихся сквозь лиловые и пурпурные облака, Герман проснулся и обнаружил, что все это время спал сидя на кровати Арины. Укорив себя в непрофессионализме, молодой психиатр поднялся с койки.

Намереваясь покинуть палату, он задержался взглядом на утонченных и миловидных чертах ангельского лица Арины Ранкович, совсем белым как полотно, на фоне обрамляющих темно-каштановых упругих локонов, к которым так и хотелось прикоснуться и поиграть в ее волосах. И вообще вся она волновала его кровь, особенно после этой ночи, когда ему удалось узреть всю соблазнительность ее роскошного тела и познать ее страстную натуру, скрываемую за интеллигентным воспитанием и скромными манерами.

Эти знания о неизвестных сторонах пациентки еще больше разгорячили юное сердце, не знавшее настоящей женской любви из-за учебы, и захватили в свой плен его разум.

Еще раз убедившись в надежности ремней, парень покинул палату и ушел в ординаторскую досыпать последние часы. К счастью, до конца его смены больше ничего чрезвычайного не происходило.

Герман Ларионов проснулся с первыми лучами солнца, слепящими его, через окно ординаторской. Отмахнувшись от солнечного зайчика, он почувствовал себя странно, а все из-за гнетущего чувства, будто на него навалилось что-то тяжелое и чернотой своей крепко сидело на его груди и не отпускало, пока он не открыл свои глаза.

В университете он изучал феномен сонного паралича, но это было совершенно по-другому, ведь предпосылок для внезапных тревог у него не было, да и он сам по себе не был предрасположен к нервным заболеваниям или депрессиям, но видимо прошедшая ночь, показавшаяся ему вечностью, оставила неизгладимый след в его сознании, и не без основания, ведь такое с ним было впервые.

Умывшись под холодной водой, молодой специалист пришел в себя.

В больнице было тихо, все еще спали. Ларионов посмотрел в свои карманные часы и вздохнул. Стрелки отцовских часов, привезенных из-за границы, показывали пол седьмого утра, а спать уже не хотелось, поэтому вооружившись ключами, мужчина отправился в палату 113, чтобы убедиться, что с его пациенткой все в порядке.

Зайдя в секцию, Герман уловил слухом едва слышное пение, это пела Арина Ранкович. Девушке тоже не спалось, и чтобы чем-то развлечь себя до прихода санитаров, она очень тихо напевала любимые мелодии.

Неожиданный приход молодого врача удивил ее.

- О, вы уже проснулись? – Спросил молодой человек с приятной улыбкой и едва заметными усиками, войдя в палату. – Подождите, сейчас я освобожу вас.

Закрыв за собой дверь, Герман принялся расстегивать ремни на запястьях.

Приняв вертикальное положение на кровати, юная особа прошептала своим журчащим, как ручеек голоском:

- Спасибо, за то, что сторожили меня всю ночь до самого рассвета. То, что я сейчас в своем уме – ваша заслуга. – Смущенно улыбнулась она.

- Не стоит, благодарности... - немного замялся Ларионов, чувствуя стыд за воспоминания о ее изгибающемся в экстазе теле.

- А, вам почему не спится? Вы тоже чувствуете его присутствие? – Спросила Арина.

- Чье присутствие? – Стоя напротив, поинтересовался будущий психиатр.

- Того, кого вы спугнули ночью своим приходом в мою палату. – Смотря своими черными пытливыми глазами, сказала девушка.

Сердцебиение Германа по непонятным причинам участилось.

- Вы не спали?

- Не знаю. Скорее всего я прибываю в оцепенении, когда он приходит ко мне: я все слышу, чувствую, но не могу пошевелиться или открыть глаза. В эти моменты я не владею своим телом, но оно поддается его приказам. Это похоже на очень тяжелый сон, который оставляет после себя едва уловимые в памяти, но весьма неприятные чувства липкости на весь день. – Поделилась Арина и обняла себя за хрупкие плечи, что были скрыты за складками рукавов ее бело-снежной сорочки.

Внезапный мороз, пробежавший по позвонку от поясницы до затылка, заставили Ларионова поежиться.

Спокойный и ласкающий голосок пациентки продолжил звучать в палате, но уже тише и угнетенно:

- Я вам весьма благодарна за ночной визит, доктор. Благодаря вам я еще жива, но я не знаю сколько это еще продлится...

- Арина, - обратился взволнованный врач, - я видел кого-то в вашей палате, но проверив помещение, я убедился, что никого постороннего в ней нет. Наверное, мне показалось... - Пытался убедить он себя.

- Нет, вам не показалось, доктор. – Утвердительно заявила пациентка. - Он был здесь, иначе зачем вам было искать кого-то под кроватью, если вы говорите, что вам лишь привиделось? – Более тверже прозвучал голос Арины.

Отпираться дальше и уговаривать себя, что ночью у него были зрительные галлюцинации не было никакого смысла и, Герман принял все случившееся, как должное, т.е. подыграл.

- Кто он? Расскажите мне все, возможно я смогу вам чем-то помочь. – Предложил Ларионов, имея в виду, что может ему удастся ее вылечить, если он будет знать о ее недуге с ее собственных слов, а не из истории болезни, написанной кем-то посторонним. - Арина, расскажите, когда это началось?

С губ девушки сорвался протяжный стон, словно бы ей было тяжело вспоминать о ночных кошмарах, но она проявила смелость и открытость в общении, желая разделить свои страхи с кем-либо, кто не высмеет ее и не осудит, так ей казалось и не без основания.

Герман Ларионов был как раз таким человеком, по крайней мере его опрятная внешность и сдержанные манеры, создавали такое впечатление о нем, как о понимающем и очень эмпатичном юноше, желающим искренне услужить каждому, кто нуждался в помощи или совете. И девушке не оставалось ничего, как доверившись интуиции, рассказать свою историю именно ему.

- Все началось после бала, устроенного моим отцом у нас в поместье, - начала она немного скованно и осторожно. - Среди гостей были компаньоны и друзья моего отца вместе со своими семьями, но один человек отличался ото всех: этот благородный нувориш был молод и высок, непохож на других старых толстосумов, что я привыкла наблюдать на суаре моего папеньки. Обычно про таких говорят “эффектный” и не даром я отнесла этот образ к нему, ведь его кожа была очень бледной, пальцы необычно длинными, а уши и зубы заостренными. В целом он выглядел весьма недурно и харизматично, а его яркая внешность и таинственный флер, что

окутывал его, приковывали к его личности исключительно дамские взгляды... По поводу своей незаурядной внешности, объяснялся незнакомец так: иронично говорил, что весь его экстерьер обусловлен какой-то редкой болезнью, мучавшей весь его род, из-за чего он вынужден сторониться света и людей, и, до не давних времен не посещал общественные места, ровна как балы, церкви и празднования из-за яркости огней и большого шума, а предпочитал более уединенный образ жизни. Новый компаньон моего отца, прибывший из Закарпатья, всю ночь скрывался во тьме и, минуя веселье и танцы, смотрел лишь на меня не отводя своих светящихся, как у кошки гипнотических глаз. Я не знала, кто он, ведь я его раньше не видела, поэтому сторонилась гостя, но часто чувствовала его тяжелый взгляд на себе и невольно сама постоянно сталкивалась с ним глазами... - Вспоминая все это, девушка ежилась, словно ей было холодно, и иногда ее нежная кожа на руках, неприкрытая тканью сорочки, становилась гусиной, но она смело продолжала рассказ, потому как сама хотела поскорей излечиться и покинуть эти давящие стены лечебницы, что служили ей тюрьмой. - По окончанию бала, этот странный гость лично представился мне. Его имя было таким же странным, как и он сам... я не смогла его даже запомнить. Этот мужчина с иностранным именем настиг меня на балконе, когда я вышла подышать свежим воздухом. Он сделал мне несколько комплиментов по поводу моей внешности и сказал, что цель его приезда в поместье – поиск достойной невесты и, что он ее нашел в стенах нашего особняка. Затем, на прощание он поцеловал мою руку, не больно прикусив ее до крови и сказал, что будет навещать меня во снах. Я приняла его слова и поведение за специфичный европейский флирт и посмеялась, но, следующей же ночью пожалела о насмешке, ведь мне действительно приснился сон, о содержание которого мне неловко распространяться... - Арина отвела виновный взгляд, но Герман успокоил ее, слегка прикоснувшись к ее ладони.

- Не бойтесь, вы мне можете доверять всецело.

В словах молодого психиатра было то, что заставляло его довериться, а именно искренность в намерении выслушать и по возможности помочь.

Девушка сомневалась, можно ли говорить о таком, но чувствуя себя рядом с ним покойно и безопасно, решилась:

- Этот европеец проник ко мне в комнату и даже в мою кровать. Я ничего не могла сделать, даже позвать на помощь, т.к. голос мой отнялся, а я могла только чувствовать прикосновение его ледяной плоти. Странно то, что я ни разу не ощущала его дыхания своей кожей, когда он покрывал мое тело остужающими поцелуями, но я, словно бы под наваждением, отвечала на его призыв, подставляя ему свою шею... С тех пор, я всегда чувствую его присутствие, словно той ночью он поселился в моей голове, а судьба невидимой нитью накрепко связала нас обоих. Я чувствую его мысли и как он жаждет моей крови, и знаю, чего он хочет... - Арина немного помедлила, а чуть погодя продолжила. – Наверняка вы тоже ощутили его приближение, ведь с приходом этого человека даже воздух становится холодным и тяжелым, растения вокруг погибают, а животные, как и люди, сходят с ума... - Закончила она, и, схватив своими тонкими пальчиками руку Германа, обратилась с мольбой. - Я очень боюсь его, доктор, чувствую, что умру, если кто-нибудь не остановит это... это существо. – Голос девушки сорвался, а ее уставшие глаза с поволокой затянула влажная пленка, из-за чего, в слабом свете занавешенного окна они горели, как два бриллианта.

- Но зачем кому-либо приходиться и пугать вас? – Недоумевал Ларионов, подозревая, что девушка сама придумала себе романтичный образ таинственного незнакомца, дабы привлечь к себе внимание.

В институте для детей закоренелых истеричков его учили, что в практике попадаются такие пациенты, которые искусно прикидываются душевно больными, хотя такими не являются по своей сути. За частую к таким уникам относятся одинокие бедняки, пытающиеся пробраться в социальные лечебницы и госпитали лишь потому, что там тепло и кормят.

Но, чем тогда можно объяснить поведение Арины, ведь девушка не была одинока или бедна? Зачем ей было придумывать всю эту небылицу?

- Чтобы сделать со мной «это». – Ответила она шепотом на заданный вопрос.

- Что вы имеете в виду?

Девушка немного замялась, стыд и высокоморальное воспитание не позволяли девушке болтать о таком, поэтому, видя, что Арина не хочет говорить, Герман подтолкнул ее.

- Можете быть со мной предельно откровенны. Профессиональная этика не позволяет мне распространяться о своих пациентах, ведь я давал клятву Гиппократу.

Получив поддержку и обещание сохранить ее тайну, девушка поддалась порыву поделиться своей бедой.

- Он... творит со мной... - нерешительно начала она, - всякие... непристойности... Своими костлявыми ледяными пальцами он трогает меня и пьет мою кровь. Даже сейчас я чувствую, как его клыки впиваются в мою кожу и как кровь покидает меня, делая меня более вялой, податливой и не способной сопротивляться его напору.

Неосознанно огорошенный Герман накрыл свой приоткрытый рот ладонью, сдерживая свое возмущение. Он даже подумать не мог, что кому-то в голову взбрело порочить это нежное ангельское создание, что скромно сидело на кровати, укутавшись в одеяло, как в защитный кокон.

«Что за изверг, мог подвергнуть эту юную барышню насилию? Чья рука посмела касаться и бесчестить это невинное дитя - дочь уважаемого человека?» - Бурлили негодующие мысли в голове Ларионова, но он вспомнил, что он психиатр и должен быть беспристрастен.

- Как часто этот негодяй посещает вас? – Спросил Герман, но гуляющие желваки на его скулах выдавали его праведный гнев.

- Раз или два в месяц.

- Он говорит, почему поступает так с вами? – Выпалил Герман, сдерживая себя в кулаках.

Благовоспитанная темноволосая особа опустила свои глаза в пол, а после ответила таким лилейным голосом, наполненным романтизмом, что можно было подумать, будто ей приятны его речи.

- Завлекающим своим голосом он шепчет мне, что очень одинок и мечтал о ком-то, кто скрасил бы его унылое существование и разделил бы с ним вечность. Говорит, что влюблен и сделает меня своей возлюбленной госпожой, подарит мне могущество его силы и все блага вечной ночи...

- Что это значит? – Взорвался Ларионов, чувствуя внезапный приступ ревности.

- Я не знаю, - покрутила головой удрученная Арина, - но все, что он делает... в какой-то мере нравится мне, хотя до жути пугает, так как после ночи с ним, я сама не своя: глаза режут от яркого света, смертельная усталость одолевает меня, нет сил даже дышать, и постоянно воротит от всего, особенно от еды, церквей, священников и их речей... Его любовь убивает меня и отдаляет от Бога... Вы поможете мне? Вы спасете меня от смерти? - Срываясь на слезы, закончила девушка, вцепившись в рукав доктора.

Герман Ларионов не смог безучастно стоять в стороне, он кинулся к девушке и, обнимая и поглаживая ее по плечу, стал успокаивать.

- Арина, чтобы защитить вас, я должен знать, кто этот человек, мучающий вас?

Вскинув свои черные омуты в обеспокоенный взор Ларионова, девушка произнесла:

- Но я сама не знаю, кто он... Как-то я попыталась отца расспросить о его новом компаньоне, но ни он, ни те, кто был на балу, не могли припомнить никого похожего, словно бы только я одна видела его той ночью... Порой, кажется, что он вовсе не человек, ведь, в один из его ночных визитов я видела, что он не отражается в зеркале, что у моей кровати и по какой-то случайности, зеркало тут же треснуло. После этого случая, он приказывал мне не открывать глаза, как и каждый раз, он подчиняет меня, и я не смею взглянуть на него. Говорит обнимать

и любить его, и мое тело послушно отзывается на его призыв, но совершенно не слушается моего разума... Я только чувствую его холодные губы и поцелуй с привкусом крови и делаю то, что он хочет... Это все, что я могу рассказать... - Закончила Арина, сожалеюще накрывая лицо своими изящными ладонями.

Ларионов, проникшийся к пациентке и ее бессилию, никогда в своей жизни не был так озадачен, даже, когда в университете решал сложные задачи по химии, ему не было столь трудно, но рассказ пациентки Ранкович действительно заставил его сомневаться в реальности происходящего, и это ему напомнило о словах Федора Иосифовича, о том, что в психиатрической больнице может происходить то, что не поддается никакой логике.

- Хорошо, - успокаивал Ларионов свою подопечную, - но, тогда как этот человек приходит к тебе? Ночью я проверил все: двери и ставни были надежно заперты. Это кто-то из медперсонала, у кого есть ключи?

Арина отрицательно покрутила головой.

- Ему не нужны ключи, он проходит через все запертые двери и охрану, минуя любую преграду...

«Какая-то бессмыслица. Разве может человек без ключей входить в помещение, разве только не сквозь стены?» - Вновь сомнения стали одолевать рациональный ум будущего психиатра, склонного к логике и критической аналитике.

- А твои раны? Откуда они? Их точно оставляет этот человек? Может ты случайно поранилась?

Ранимая девушка, что казалась хрустальной от истощения, робко кивнула, не прерывая зрительного контакта.

- Это все он! Он... Он пьет мою кровь и говорит, что ничего слаще не пил. Говорит, что она придает ему сил и дарит вечность, делает его молодым и красивым. Еще он шепчет мне, что, когда придет время, он сделает и меня такой же молодой и неувядающей. - Завершила она.

Весь разговор, который описывал какое-то сверхъестественное существо, а вовсе не человека из крови и плоти, не умещался в голове Ларионова и он, честно говоря, засомневался в адекватности Арины, предположив, что мозг, подвергающейся насилию юной барышни нарисовал картину мира именно такой фантастической, дабы избежать действительности и ужаса, творившегося с ней наяву. Возможно ее мучителем является кто-либо из близкого окружения, и именно так, девушка оградила себя от травмирующей правды.

Герман отстранился от пациентки и сказал:

- Я так понимаю, что днем тебе не грозит опасность? - Спросил он и, получив в место ответа кивок прелестной женской головки, продолжил. - Тогда я пойду, ведь скоро обход и мне нужно идти работать, но чуть позже мы вернемся к этому разговору.

Ларионов неловкий и мрачный вернулся в ординаторскую и обнаружил, что кипы историй болезней, что он изучал, исчезли со стола. Он направился в кабинет главврача и встретился с Перельманов лицом к лицу. Главврач только что пришел в больницу и не успел еще скинуть с себя верхнюю одежду, как был застигнут новичком врасплох.

Увидев высокую и широкоплечую фигуру в длинном до пят темном пальто прямого кроя, все кусочки мистической головоломки соединились в одну целостную картину и эмоции Ларионова обострились, а гнев взял над ним верх.

- Ах вы негодяй! Как можно было так поступить с собственной крестной дочерью? - Накинулся Герман с кулаками на Перельмана, смахнув с его головы шляпу и приперев его к стене.

Бывалый психиатр был не робкого десятка и рефлекторно отреагировал на агрессию против себя. Тяжелым ударом своей пятерни, он быстро успокоил нападавшего хлесткой и жгучей пощечиной. Герман пошатнулся и, схватившись за пылающую огнем щеку, рухнул на стул, и более ему не хотелось в ход пускать свои кулаки.

- Ах, вы, дерзкий сопливый щенок! Не успел и дня проработать, а уже кидаетесь на своего благодетеля? – Взревел бывалый психиатр, снова готовясь поддать своему оппоненту, если одного леща оказалась мало и тот вновь кинется, но заметив подавленное настроение у этого самого щенка, что мгновение назад желал укусить кормящую его руку, вспомнил рекомендательное письмо от своего коллеги, описывающего характеристику выдающегося студента, понял, что юноша так бы не поступил, не будь на то веской причины.

Немного остыв, Федор Иосифович решил разобраться в агрессии своего протеже.

- Будьте любезны объясниться, младший сотрудник Ларионов, пока я вас не выкинул из больницы за шкуру, как какого-то паршивого пса! – Гневно рыкнул он на юношу своим зернистым, но более осипшим голосом. – Чем я заслужил нападение и ваш гнев?

- Арина, - прошипел Герман с видом полного горя на лице. – Я видел вас вчера ночью в ее палате. Это вы гипнотизируете ее, чтобы она безропотно подчинялась, а потом истязаете несчастную! Низкий вы человек! – С презрением цыкнул жаждущий справедливости юноша на зрелого мужчину, но более не посмел с ним вступать в драку, ибо понимал, что пойдя против этой могучей силищи, он огребет по полной.

- Не смейте никого обвинять бездоказательно, Ларионов, если не хотите проблем с властями в будущем! – Гаркнул на него Перельман, повесив свою верхнюю одежду на тренажную вешалку в углу своего кабинета, а после обернулся и пригвоздил ординатора своим беспощадным взглядом серых блеклых глаз. – Какие у вас есть доказательства того, что я был в ее палате ночью, если вчера ночью я был в игровом клубе и покинул его только на рассвете, в следствии чего появился на работу на полтора часа раньше! А мог бы отправиться домой и не беспокоиться о вас.

- Это ложь. – Горестно усмехнулся недоверчивый парень с усиками. - Я видел вас пришедшего к Арине и уверен, что не найдется ни одного свидетеля, что подтвердит будто вы играли всю ночь в карты. – Сквозь зубы процедил Герман.

- Клянусь, хоть и не должен, но свидетелей из клуба предостаточно, а вот у вас какие аргументы, голубчик? – Более спокойно, спросил Перельман, понимая, что стал жертвой жутчайшего недоразумения, выход из которого нужно было срочно найти.

Ларионов немного замялся, а после выдал:

- Я точно кого-то видел в длинной накидке и этот кто-то имел крепкое телосложение и высокий рост.

- По-твоему, я единственный, кто имеет крепкую фигуру, высок и ходит в длинном, одеваясь по сезону? – Главврач перешел на неофициальное обращение, тем самым показывая молодому человеку, что он не враг ему.

Герман понял, что возможно допустил ошибку поспешив с выводами, ведь сам не только видел, но и знал много крепких мужчин в длинных плащах и прогулочных накидках по верх фраков.

- Но...но... - попытался оправдаться он совершенно растерянным голосом, - кто же тогда проник в ее палату ночью? У этого человека должны были быть ключи.

- Вот как? – Надев белый халат и, по привычке сцепив руки за спиной, предположил Перельман. – На сей раз я тебя прощаю, спишу это на молодость и неопытность, но больше не нападай ни на кого, пока не будет прямых доказательств вины... Такое в больнице уже было неоднократно: я заставлял Арину в компании кого-то, или слышал ее разговор с кем-то, но попадая в палату, кроме ее никого не было. Возможно это были лишь мои галлюцинации... Признаюсь честно, иногда я злоупотребляю со спиртным и возможно этим размягчил свой мозг. – Созналсся Федор Иосифович, а после задумавшись, промычал. - М-м-м, не думаю, что это коллективные галлюцинации... Ты что-то сказал о насилии? – Опомнился он.

- Да, - громогласно заявил молодой приемник, - Арина утверждает, что ее мучения происходят не по ее воле.

- Как же так? – Взгляд Перельмана почернел. – Мне она такого не рассказывала. Возможно она доверилась вам из-за возраста, а мне – почти отцу, постеснялась говорить о таком... Нужно ее обследовать. – Заявил он.

Ларионов не мог допустить этого, поэтому вскрикнул:

- Нет, этого нельзя делать! Я обещал, что сохраню эту тайну, но не сдержал обещание. – Раскаиваясь в содеянном, проговорил молодой человек, задумавшись над тем, что все еще подозревает своего старшего коллегу в нечестной игре.

- У нас с вами одна цель, Ларионов. Спасение девочки - превыше врачебной этики! – Заявил Перельман и в этом он конечно был прав, ведь из двух зол следует выбирать самое безобидное.

Герману не хотелось выглядеть предателем в глазах черноокой красавицы Арины Ранкович, поэтому он вызвался сам осмотреть пациентку, чтобы убедиться в ее словах, в правдивости которых он сомневался и уже совсем запутался из-за всей этой истории.

- Как вы считаете, все, что говорит Арина правда или это плод ее фантазий? – Поинтересовался Герман прежде, чем покинуть кабинет главврача.

Перельман задумался, почесывая свою рыжеватую бороду, он пожал плечами и лишь потом ответил, тяжело вздыхая:

- Впервые в своей практике я не могу поставить определенный диагноз. Действительно ее ситуация очень сложная, по крайней мере она абсолютно верит в то, о чем говорит, как и всякий душевнобольной, утверждающий, что он Наполеон или Петр Первый, поэтому я не могу дать точное определение ее болезни... если такое имеется.

- Что вы имеете в виду? – Переспросил молодой человек.

- Да то, что если все, что говорит Арина является правдой, то это совершенно ломает всякую логику, а мы с вами, голубчик, медики, а все медики атеисты и должны верить только фактам.

По окончании смены, Федор Иосифович отпустил нового специалиста домой отдыхать. Герман не хотел покидать Арину, ведь не мог доверять Перельману, как и всем медработникам, ведь девушка, захватившая его ум, нуждалась именно в его защите, из-за чего, ему было сложно покидать ее, но от усталого защитника было мало пользы и ему пришлось уехать в срочном порядке.

Вернувшись домой и, получив похлопывания по плечу от отца и выслушав жалостливые тирады от матери, Герман отдохнул, а вечером все трое из семьи Ларионовых направились к Ларионовым старшим, где дед давал званый ужин своим коллегам хирургам и друзьям, желая при случае похвастаться перед ними новоиспеченным работником медицинской фемиды из его семьи, что в веках прославит их фамилию.

Народа в большом доме деда было пруд пруди и все были разодеты как щеголи и вели себя, как последние английские франты, а их речи были полны надменности и скрытого сарказма, уничижающего остальных. По всюду были зажжены потолочные и напольные канделябры, от чего в просторной гостиной было светло и уютно, а фортепьяно не смолкало, выдавая один музыкальный шедевр за другим. В целом атмосфера суаре была теплой и непринужденной на фоне всей этой помпезности и гордости гостей, которые наслаждались вечером, танцами и безграничным количеством шампанского.

Стоя у массивной мраморной лестницы с бокалом шампанского, Герман смотрел на всю элиту и их блеск орденов и ожерелий, но все его мысли были о блеске глаз Арины Ранкович: ее изяществе и неземной красоте обнаженного, нежного, как лепестки камелии тела. Видения недавних событий, связанных с темноволосой, не совсем здоровой аристократкой, были словно наваждение, спутывающие его мысли и сеявшие сомнения в его сердце, из-за чего на душе совсем уж было беспокойно и тоскливо. Рядом с ним, за большим зеленым фикусом стояла небольшая группа из восьми человек, все они слушали друга Афанасия Ларионова Стар-

шего - полковника в отставке, и любителя приключений - путешественника Григория Осиповича Дёмина, который рассказывал, что после того, как он побывал на спиритическом сеансе у одного своего знакомого английского аристократа, он уверовал в существование потусторонних сил и занялся вплотную изучением этого феномена.

- Так вы верите в существование после смерти? – Спросила мужчину с серыми бакенбардами одна веселая пышногрудая дама в роскошном индиговом платье и белых шелковых перчатках, увешенная жемчугами.

- Сейчас уже определенно могу сказать, что да, мадам, верю, как верю в этот бокал, что у меня в руке. – Приподняв бокал, мужчина с седыми бакенбардами взглядом указал на напиток.

- Силы тьмы, проклятия и исчадия ада – все это существует, и я неоднократно видел всю эту чертовщину во отчую. Я собрал по всему миру немалую коллекцию разных бумажных изданий, описывающих эти и многие вещи. – Заявил Дёмин, горделиво держащий осанку. – Если вы, когда-либо будете в Англии, то обязательно посетите особняк Томаса Теодора Меррилина, вернее его подвал, где он держит свою коллекцию мумифицированных существ разных мастей. Там есть и крылатые феи, размером не больше ладони, головы обратной, вампиров, скелеты чертей, драконов и много всего, что повергнет вас в настоящий шок и ломает картину вашего привычного мира. – Заявил полковник в отставке победоносно, но без лишнего пафоса, а после добавил. – Признаюсь без обиняков, что мой интерес к потустороннему, как раз и зажег лорд Меррилин. Да и сам хозяин необычной коллекции вызывает не меньший интерес. В кругах английских аристократов поговаривают, что ему самому уже давно перевалило за сто шестьдесят лет, но выглядит он всего на сорок с небольшим, к тому же, те, кто знал его отца и деда, говорят, что это один и тот же человек, что вызывает множество предположений, и если это не мистика, то в роду Меррилинов преобладает сто процентная схожесть по мужской линии...

Слушающие дамы, переговаривались, пряча свои усмешки за веерами, а вот на лицах слушателей мужского пола читалось полное недоверие к рассказу выжившего из ума старика. Герман Ларионов, был единственный, кто заинтересовался разговором по-настоящему и, выйдя из-за раскидистого фикуса, он присоединился к толпе слушателей.

Заигравшая музыка разогнала заскучавших кавалеров, заставив их пригласить дам для танца, освободив тем самым дорогу к Дёмину. Герман тут же ухватился за эту возможность поболтать со старым другом его деда и прилип к нему.

- Григорий Осипович, - обратился к мужчине юноша, - я услышал то, о чем вы говорили... Честно признаться, я не верю во всю эту мистику, т.к. изучал психические расстройства и видел, как душевные раны влияют на мировосприятие больного, заставляя его поверить в то, чего не существует... Но, - молодой человек оглянулся, т.к. не хотел, чтобы его слышал еще кто-то и убедившись, что рядом с ним и его собеседником никого нет, продолжил, - вступив в должность помощника главврача, я столкнулся с необъяснимым... В больнице, где я начал работать, есть одна девушка, т.е. пациентка, - исправился он, - так вот, она утверждает, что ее анемия из-за того, что какой-то человек мучает ее по ночам и пьет кровь... Но это совершенно невозможно, - возмущенным тоном, сказал Ларионов младший, - т.к. она в одиночной палате и ее никто не посещает, но при этом она продолжает терять кровь. Что вы об этом думаете?

Дёмин, что по долгу службы вынужден был всегда держаться уверенно и властно, выслушал с интересом и не перебивал, в его выражении лица не было и тени насмешки или недоверия к истории юноши.

- Боюсь, что девушка стала жертвой вампира. – С полной серьезностью ответил полковник в отставке. – Да поможет ей Бог!

Герман чуть не подавился шампанским, ведь все, что он знал о вампирах, что это детская страшилка, популярная в Европе еще в темных средних веках, которую придумали невежественные люди, не способные распознать болезни.

Любитель приключений сделал тоже глоток из своего бокала, а после признался:

- Лет пятнадцать назад, я и сам подумал бы, что тот, кто говорит мне такое - «куку», - Дёмин повертел палец у виска, - но поверь, Герман, в мире есть те области, которые еще не исследованы. Наш мир бесконечен и не имеет краев. Существует много того, что находится за гранью нашего восприятия мира, каким мы его знаем. Каждое свое путешествие я наблюдаю такое, что не укладывается в голове обычного человека и нахожу своим словам подтверждение... Раньше мы часто спорили с твоим дедом на эту тему, к слову, он каждый раз проигрывал. А сейчас, после того случая, как его пациент вернулся с «того света», он перестал заключать со мной пари. - Дополнил свой рассказ бывший полковник, тонкие губы которого, тронула теплая задорная улыбка.

Ларионову трудно было поверить в то, чего он не знал, но желание помочь Арине заставило его откинуть всякий скептицизм и выслушать новую версию от знатока спиритизма.

- По каким признакам вы решили, что мучает девушку вампир, а не болезнь сознания?

- Я расскажу вам историю своего опыта, только если пообещаете не делать поспешных выводов и не называть меня старым безумцем. – Заявил Дёмин с добродушной улыбкой.

Герман кивнул головой.

- Даю слово.

Григорий Осипович стал к молодому мужчине вплотную и тихо, почти шепотом, пока их никто не слышит, заговорил:

- Когда я был в Румынии по службе, примерно двенадцать лет назад, то наблюдал, как в одной деревушке стали умирать от потери крови дети из одной семьи. Ушли один за одним, все трое. Выяснилось, что их мать умерла двумя месяцами ранее от того же недуга. Старая цыганка настаивала на том, чтобы могилу всех четверых раскопали, а тела их сожгли, иначе смерти возобновятся, но ее никто не послушал, а когда в этой деревне стали болеть и другие дети, то, небольшая группа из благоразумных родителей, желающих спасти своих чад, пришли к этой старухе и сделали то, что она им велела. Для этого они забили колы в сердца и отрубили головы покойникам, умершим от того же недуга, а затем сожгли тела вместе с их домами. После этого все дети в деревне чудесным образом выздоровели и больше никто не умирал, ну разве только от старости.

Жуткой истории Дёмина было не достаточно, чтобы Герман мог уверовать в потусторонние силы и в существование живых мертвецов, ну или в какую-нибудь другую нечисть.

- Не обижайтесь, Григорий Осипович, но пока это мало походит на сверхъестественное. Возможно цыганка была целительницей и дала заболевшим лекарство, а дома сожгли, чтобы уничтожить заразу, гуляющую по деревне. Во время чумы сжигались целые поселения, чтобы не дать болезни распространяться дальше. – Предположил молодой человек, обладающий критическим мышлением.

Дёмин с усмешкой хмыкнул, ведь не ожидал, что молодой знакомый сразу же ему поверит, но он не терял надежды дабы переубедить его.

- Анемия, истощение, ночные кошмары, непереносимость света и еды, боязнь чеснока, крестов, святой воды и раны на шее - две маленькие незаживающие дырочки... Я мог бы до конца вечера перечислять симптомы, но все и так ясно – это признаки вампиризма! – Уверенно заявил мужчина.

Герман чуть пошатнулся, по его телу пробежали мурашки, заставив волосы на его затылке приподняться, а бывший полковник продолжал свой рассказ, но уже более тише, но с большим рвением, что не могло не повлиять на молодой ум Ларионова.

- В подвалах Меррилина я собственными глазами видел множество разновидностей черепов вампиров с острыми клыками: у одних они были, как у летучей мыши, у других змеиные, загнутые во внутрь, а так же с двумя острыми резцами спереди, и так же видел, прямо, как вас, чемодан охотника на вампиров, забитый крестами, осиновыми кольями, мушкетами, стреляющими деревянными и серебряными пулями, и пузырьками со святой водой и чесночной

вытяжкой... Узнать, вампир ли причина анемии или нет - очень легко. Одним из способов являются живые растения, которые неизбежно увядают под воздействием мертвой энергетики. Еще безотказно срабатывают узелки. Навяжите множество узелков или рассыпьте у кровати жертвы зерно или просо, без разницы... Вампиры не терпят бардака и собирают все до последнего зернышка, к тому же это лучший способ, чтобы задержать монстра и не дать ему испить жертву. А еще чеснок или его цветы, ну или религиозные атрибуты. Большое их количество не нанесет большого вреда исчадью, но хорошо отпугивает. – Закончил друг деда и был он излишне серьезен, чтобы убедить мальчика.

Ларионов заинтересованно слушал Дёмина и не мог назвать его умалишенным, ведь искренность старика с бакенбардами внушала доверие, но информация, которую он получал от старого путешественника, пугала его, ведь это означало разрушение догмы прежнего мира и старых убеждений.

Неожиданно для себя, Герман почувствовал, как волосы на его руках приподнимаются, а холод пронзает его тело. Не смотря на духоту в гостиной, что исходила от толчее и камина, он чувствовал озноб.

- Просто воспользуйтесь любым из способов. Если все останется по-прежнему, то пациентку сразил душевный недуг, а я останусь сумасшедшим стариком, чьи слова ничего не стоят и меня можно не слушать. Но если же мой совет сработает, то вы убедитесь в правдивости моих слов. – Кивнул бывший военный и отвлекся на свою уставшую от вечера супругу, что подошла к нему.

Возрастная напудренная дама пожаловалась мужу на мигрень и пара вынуждена была покинуть особняк в разгар приема.

Уже стоя у порога в верхней одежде, Дёмин пожимал руку хозяевам и уже перед самым уходом, обратился к кланявшемуся перед его супругой Герману:

- А вы, мой мальчик, если хотите узнать больше о том, о чем мы с вами говорили, то милости прошу ко мне в гости. Я собрал великолепную библиотеку, как раз по этой теме.

Дёмины сели в экипаж, запряженный двойкой отличных гнедых и покинули усадьбу.

На вопросы пожилой четы Ларионовых о состоявшемся разговоре с Дёминым, внук с улыбкой соврал, что разговор касался его выбора профессии и ловко ушел от ответа.

После отъезда отставного полковника, Герман не мог думать ни о чем, как о разговоре со старым товарищем деда, погружившимся в оккультизм. Молодого психиатра мучали сомнения, но также ему хотелось узнать об этом больше.

На следующее утро Герман вернулся на работу и первым же делом поинтересовался у Перельмана о состоянии Арины Ранкович.

- Ей все хуже и хуже. Раны открылись вновь, и она отказывается от еды. Если так дело пойдет, то... Даже не знаю, как мне сообщить ее отцу... - Подавленным голосом произнес Федор Иосифович, пребывая в очень мрачном настроении и потирая свое лицо огромными ладонями. – Я сделал ей переливание вчера вечером и с того времени она спит не просыпаясь, но кровь каким-то чудом испарилась... Ума не приложу, куда она все время девается? – Роптал главврач.

По состоянию Перельмана было очевидно, что опытный врач искренне переживает за свою крестницу, но Герман не мог понять: переживал ли психиатр за крёстную дочь или же за жертву его извращенной любви, поэтому молодой человек, запутавшийся в многогранности вероятностей, решил последовать совету Дёмина и подтвердить или опровергнуть возможность вампиризма в этом запутанном и странном деле.

Во время ужина, перед ночной сменой, интерн растер два небольших кусочка хлеба в крошки и, смешав их с горстью муки, ссыпал всё себе в карман. При вечернем обходе он оставил на подоконнике коморки пациентки небольшой букет цветов, сорванных с больничной клумбы и рассыпал мучную смесь на пол в палате спящей Арины, которая выглядела еще блед-

нее, а скулы стали более очерченные и придавали ей более изнуренный вид. Глядя на еле дышащую девушку и на то, как локоны цвета воронового крыла ниспадают на ее плечи, Герман мысленно дал себе клятву, что спасет ее во чтобы то ни стало.

Дежуривший Ларионов из всех сил старался не уснуть и с приходом ночи хотел отправиться к Арине в палату, вооружившись деревянной санитарской дубинкой, но какая-то тяжелая поволока, дымкой накрыла его еще в ординаторской, из-за чего он уснул прямо за столом.

«Нужно проснуться! Проснись!» - кричал он себе во сне, когда грудь его и горло сдавила невидимая рука, затягивающая его еще глубже в трясину сновидения. И, собрав все свои силы и мужество, он смог открыть глаза.

Страхнув с себя остатки сна самопроизвольными пощечинами, он стремглав кинулся в палату к Арине и в окошко увидел крупную темную фигуру.

«Вот ты и попался развратник Перельман», - мысленно ликовал Герман.

Ночной гость в темном плаще наклонился к полу и, скребя длинными ногтями по напольному покрытию, впопыхах стал собирать крошки, фырча от злобы и негодования.

Герман открыл дверь и распахнул ее, впуская свет коридорных ночников в палату.

- Попался, негодяй! – Крикнул парень и, размахивая деревянной отшлифованной палкой, вбежал внутрь.

Перед его глазами на мгновение возникло белое, словно снег лицо лысого мужчины с заостренными ушами, хищными блестящими глазами, запавшими в глазницах, острым носом, тонкими губами и длинными острыми клыками, выглядывающими из-под верхней тонкой губы. В целом эта бледная иссушенная мумия выглядела крупной только из-за плаща на широких плечиках и совершенно не была похожа на Перельмана.

Нечто, которому трудно было дать название, зашипело, как разгневанный кот на вбежавшего сотрудника больницы, и уже через секунду, накрыло себя краем плаща и растаяло в черном облаке прямо перед глазами молодого соперника.

Волосы Германа разом поднялись дыбом, а страх сковал его сердце, заставив застыть его в исступлении. Замахнувшийся он, по инерции ударил дубинкой по воздуху. Орудие, так и не настигнув своей цели, прошло сквозь черное облако, что сквозняком просочилось в щели окна и исчезло во тьме улицы.

Молодого психиатра моментально пробрала дрожь до костей, но не от могильного холода, что пропитала своей тяжестью атмосферу палаты, а от немыслимого видения, которое не укладывалось в его голове.

«Что это было? Я сплю? Нет, я точно видел кого-то... Это не Перельман... Куда оно делось?» - обрывки мыслей заставили оцепеневшего из-за первобытного страха Германа, вернуться в реальность.

Парень огляделся, но кроме него и Арины никого не было, как и в прошлый раз. Он облазил все стены и под кроватью, пытаясь найти потайной ход, но такого попросту не существовало, а поверить своим глазам в то, что человек мог просочиться сквозь щели, он никак не мог, ибо это нарушало законы физики и ломало его логику беспощадно. Никакая болезнь не могла дать такие способности больному, а все, что Ларионов знал о реальном вампиризме, это носило научное название порфирия и относилось к обычным людям, а не к сверхъестественному.

Как и леконтропия, эти и другие болезни в средневековье наделали много шумихи в суеверном мире, но эти темные века минули, открыв дорогу медицинским открытиям и возникновению психиатрии, как точной науки.

На полу Ларионов заметил большие темные следы от сапог на муке и царапины от когтей, которыми существо соскребало крошки, коих оказалось втрое меньше того, что он рассыпал, к тому же, букет осенних цветов на подоконнике засох так сильно, будто простоял там два месяца, а не пару часов.

Все эти признаки значили одно - Дёмин говорил правду и потусторонний мир существовал.

Чтобы оградить Арину от влияния упыря, Ларионов остался с ней до рассвета, который наступил уже через пару часов.

Этим утром Арина проснулась и была довольно бодра, а на ее щечках появилось немного румянца, хоть и по-прежнему у нее не было сил на активность и аппетита, все же девушка смогла заставить себя проглотить пару ложек овсяной каши, которую предложил ей Герман на завтрак.

Заступивший на смену Перельман был весьма рад тому, что крестница пошла на поправку и считал, что нахождение привлекательного Ларионова рядом, во многом поспособствовало желанию юной красавицы жить. Сам же интерн применил новую тактику и по-своему подошел к лечению девушки. Он из столовой принес ведро чеснока и разложил вязанки по палате молодой пациентки, а также развесил иконы и кресты, и навязал множество веревочек с узелками, где только можно и рассыпал большую горсть пшена на пол. Сама пациентка новые изменения восприняла спокойно, но ее не устроил один маленький нюанс: девушка была против чеснока и жаловалась на удушающий неприятный запах в ее палате, и жар, исходящий от всех этих религиозных штучек, но новый психиатр убедил ее, что это пойдет на пользу для ее выздоровления и неудобство только на время.

- Что вы делаете? – Удивленно спросил Перельман, явно недовольный новым методом лечения от новичка.

Герман закончил приготовления к ночи и удовлетворенно смотря на весь беспорядок в палате 113, ответил наставнику:

- Вы верите в мистику, Федор Иосифович?

- Вы сейчас серьезно?

Юноша очень твердо посмотрел на своего наставника, и его взгляд говорил о том, что в данный момент он очень серьезен.

- Вы меня пугаете, голубчик. – Хмыкнул озадаченный главврач.

Не дожидаясь, рассуждений на эту тему от знатока психиатрии, молодой мужчина продолжил свои пояснения:

- Вчера ночью, в палате Арины я вновь видел кого-то, его следы были на муке, которую убрала санитарка и я не успел их вам показать, но я смело могу заявить, что это был вампир! Это из-за него страдает анемией Ари... пациентка Ранкович, - осекся молодой человек.

Чтобы убедить ошеломленного Перельмана, который своим недоверчивым взглядом пронзал Ларионова, Герману пришлось рассказать все, что ему было известно, вплоть до разговора с товарищем деда - Дёминым.

- Вчера, по совету Григория Осиповича, я рассыпал крошки с мукой у ее кровати и навязал узелков. Это задержало кровопийцу и, как вы можете наблюдать, раны на ее шее не тронуты, а вчерашние цветы всего за ночь почернели и усохли.

- И где же они? – Огляделся главврач пытаясь найти хоть какое-то доказательство.

- Их тоже выкинули вместе с остальным мусором, - устало выдохнул Ларионов, почесывая свои смешные усики.

Профессор недоверчиво посмотрел на молодого человека.

- Честно признаться, я даже не знаю во что верить... - Заявил Перельман задумчиво. - Вы не похожи на безумца, но ваши слова звучат, как бред человека, пораженного белой горячкой. Вы случаев не выпивали?

Главврач с академическим пристрастием сделал пару глубоких вдохов, пытаясь уловить малейший намек на спиртное от юнца, но от него ничем не пахло, кроме вьёвшегося запаха больничных стен, да и сам протеже не был похож на безответственного или разнузданного бонвивана.

- Федор Иосифович, прошу дать мне шанс, и я докажу вам, что все, о чем я говорил – правда! Позвольте мне незамедлительно взять экипаж и съездить к другу моего деда. Дёмин обещал мне дать книги, где я смогу найти, как справиться с этой заразой.

Перельман не знал, как реагировать на все сказанное. Его ум терзали сомнения, ведь он слишком мало знал нового сотрудника, но наивные невинные светло-карие глаза с зеленцой юноши обладали даром убеждения и главврачу не осталось ничего, как отпустить молодого человека, ибо считал, что полезно все, что угодно, лишь бы это спасло его крёстную дочь, которую он обожал за доброе открытое сердце и веселый характер.

Получив согласие, Ларионов рванул к Дёмину и тот великодушно дал ему несколько увесистых книг: бестиарий и сборник мистических историй, собранных со всего мира.

Отблагодарив полковника в отставке, юноша на всех парах, подгоняя кучера, вернулся в психиатрическую больницу и сразу же предоставил Перельману книжные факты.

- Вот тут, в бестиарии я нашел подробное описание вампиров и как их убить! – Тыкая пальцем на иллюстрированную страницу, пылко произнес возбужденный Ларионов.

Перельман, сидевший за столом, подвинул к себе фолиант и, достав свое пенсне для увеличения мелкого шрифта, водрузил на свою переносицу, стал читать в слух:

- Вампир (упырь, вурдалак, стригой) – в славянской мифологии, это живой мертвец (нежить), питающаяся кровью живых людей и высасывающий их жизненную энергию, благодаря чему является практически бессмертным существом... – Рыжеволосый мужчина в белом халате и шапочке пробежался глазами по строкам и остановился, продолжив чтение. – Убить вурдалака можно с помощью осинового кола, вонзив его в сердце, обезглавить и обязательно сжечь тело до пепла. Солнце также губительно, ведь вампиры исключительно ночные существа и дневной свет для них смертелен, поэтому, охотиться на вампиров следует днем, т.к. ночью они очень сильны и хитры: умеют превращаться в разных животных и принимать форму любых существ, растворяться в воздухе, наводить на людей дурные сны и иллюзию, также обладают сверхскоростью, что делает их практически неуязвимыми. – Закончил главврач и поднял свои глаза с книги на Ларионова. – Даже не знаю, что и думать, голубчик. Все это как-то нереально и больше смахивает на вымысел.

- Да, - ответил взбудораженный Герман, - но я собственными глазами видел, как бледное лицо лысого мужчины с клыками растворилось прямо перед моими глазами, - парень вынул карие очи с зеленцой и жестами показал, как это было, - превратившись в черное облако... Как можно объяснить такое?

- Вы уверены, что это не приснилось вам или может у вас особая форма шизофрении? – Пожал плечами Перельман, наблюдая за очень интересным представлением, что продемонстрировал Ларионов перед ним.

- Я абсолютно здоров, как и Ранкович,. Мы видели это зловещее существо, т.е вурдалака! К тому же вы сами видели царапины от его когтей на полу в палате Арины. Чтобы убедиться в правдивости моих слов, вам придется лично встретиться с вампиром этой ночью, когда он придет, чтобы напиться кровью Арины... - В захлеб говорил парень и его речь казалась не имеет конца. - В книге сказано, что вампиры очень осторожные. Их чувствуют животные и чувствительные к тонкому миру люди, т.е. ведуньи или умалишенные, поэтому вампиры опасаются их и избегают таких мест, а здесь упырь появляется из-за того, что здесь та, которую он отметил, т.е. из-за Арины... Еще я прочел, что вампиры не меняют своей жертвы и иссушивают ее до тех пор, пока несчастная не умрет, ведь обращая жертву в себе подобное существо и отнимая ее жизнь, кровопийца преумножает свою силу и молодость. А поскольку я его спугнул прошлой ночью, то он вернется вновь, чтобы закончить начатое и обратить ее в такого же вампира. Я могу предположить, что периодическое переливание крови Арине замедляло этот процесс, и поэтому она еще жива и находится по эту сторону жизни, но это не на долго... - Герман мучительно сжал глаза и набрав воздуха в легкие, продолжил быстро лепетать. - Если

ничего не сделать, то по сути, мы сами бросим Арину в лапы этой богопротивной мерзости!
– Возбужденно закончил юноша.

Перельман не мог проигнорировать заявления Ларионова, т.к. в памяти главврача всплыли и другие эпизоды, связанные с тем, что шквал увольнений сотрудников психиатрической больницы и обострение припадков тяжелобольных по ночам пришлось на эти последние три месяца, когда для его наблюдения, поступила Арина. Санитары ни раз рассказывали о призраке в черном плаще, бродившим по коридору, а другие жаловались, что по ночам их одолевает небывалый страх. Да и сам Перельман ни раз становился жертвой сонного паралича, который донимал только в его ночные смены в больнице именно в те ночи, когда буйствовали и бесновались шизофреники, и которые наступали синхронно с обострением лунатизма Арины, примерно два – три раза в месяц.

Всплывшие воспоминания заставили Перельмана прислушаться к молодому человеку, и он кивнул головой и решил довериться, т.к. сам не имел понятия, как вытащить крестницу из лап подкрадывающейся к ней уродливой старухи смерти.

- Что ж, тогда нам нужно лучше подготовиться. – Капитулировал главврач, принимая правила институтского зубрила.

Каждую ночь три недели подряд, Перельман и Ларионов провели в палате у Арины Ранкович, дежурив по очереди, но вампир так и не показался, а вот за это время девушка расцвела в своей красоте и наполнилась силами и румянцем, а ее очаровательная улыбка все чаще возникала на ее ангельском лице. Теперь, когда к ней вернулся аппетит и силы, Арине было позволено выходить на променады, которые часто проходили в сопровождении Германа. Частое общение сблизило молодых людей и Герман вначале своей карьеры уже нарушил устав, влюбившись в свою пациентку, но главврач не возражал, видя, что нежные чувства юных сердец взаимны. К тому же, Федор Иосифович сам проникся к юнцу Ларионову дружескими чувствами, т.к. успел заметить его преданность делу и желание исцелять людей, да и сам Герман был хорошим малым с высокими моральными устоями и острым чувством справедливости, а также обладал недюжинной смелостью, что подкупало бывшего психиатра быть к нему снисходительнее и добрее.

После приема родителей, навещавших свою дочь, что произошел этим погожим утром, Арина просто сияла и это вызывало у ее сопровождающего любопытство.

- Что вас так обрадовало, Арина? – Обратился Герман с улыбкой к своей пациентки.

Хорошее настроение девушки передалось и ему, что молодой человек не мог сдерживать улыбки и часто поправлял усики, как бы пряча за этими хитрыми действиями свое счастье, что раширало его изнутри и просилось наружу.

Девушка легкой поступью подошла к своему молодому врачу и позволила ему накинуть на свои плечи ее пальто, отороченное мехом, что было у него в руках.

- Да так, матушка допрашивала меня, что за приятный молодой врач крутится возле моей палаты. – Прощебетала девушка и посмотрела на Германа улыбающимися глазами.

Добрый лучезарный взгляд юной барышни, с которым она смотрела на Ларионова, был полон нежности и искренности и это невольно смутило молодого мужчину.

- Что такое? – Растерянно спросил он, помогая Арине с пальто, как того требовал этикет и его светское воспитание.

Девушка хитро улыбнулась, от чего ее глаза засияли еще ярче, словно это были вовсе не глаза, а два черных бриллианта в сотни карат.

- Вы очень понравились моей матушке. – Захихикала прелестница, обнажая белые зубки.

Уши интерна запылали маковым цветом, как и его щеки, выдавая его стеснение, но он не желал показывать виду.

- А, что думает обо мне ваш отец? – Поинтересовался молодой мужчина.

- О, мой папенька не в восторге от того, что вы рядовой врач городской психушки. Но если вы подумываете открыть частную клинику, то он даже готов рассмотреть вашу кандидатуру на роль своего будущего зятя.

Герман зарделся еще пуще и в этот момент его эмоции хлынули. Он позволил себе вольность: подхватил девушку и, покружив ее прямо перед глазами дежурного в холле, чмокнул возлюбленную в щеку.

- Если так, то передайте Назару Борисовичу, что я уже ищу меценатов, готовых вложиться в мою клинику!

Арина Ранкович, поставленная на пол засмеялась своим искрящимся звонким смехом и, вручив своему кавалеру зонт, напомнила, что они все еще в стенах больницы.

Герман тут же заставил себя вспомнить о правилах приличия и, открывая перед своей будущей невестой дверь, раскрыл зонтик, чтобы яркое солнце уходящей осени не жгло ее кожу, еще чувствительную к свету, но уже не так, как было в начале их знакомства.

Желто-красные листья, опавшие с деревьев, устилали галечную тропинку в саду у больницы, по которой прогуливались возлюбленные. Во многих местах аллеи дворник еще не успел убрать золоченный покров и от лиственных куч поднимался запах сырости и осени, наполнивший собой весь морозный воздух, каким-то особым романтизмом, приправленным взаимными чувствами влюбленных.

Молодой мужчина с усиками заботливо прятал свою барышню под куполом зонта, пока, не спеша, они направлялись к небольшой беседке, исполненной в стиле барокко. Он щебетал ей на ушко приятную и сладкую лесть, над которой Арина смущенно посмеивалась, а ее звонкое хихиканье доносилось до кабинета главврача.

Перельман в излюбленной позе с руками за спиной, наблюдавший за парой из окна третьего этажа, выходявшего прямо на аллею и беседку, радовался в своем сердце. Ему приятно было видеть свою крестницу прежней: веселой, смелой и шумной, и это согревало его душу, ведь такое изменение Арины означало, что беда отступила, а они с его новым помощником победили болезнь. На его столе лежали бумаги о выписке пациентки Ранкович, ожидавшие его подписи, но он не торопился их подписывать, ведь зная, насколько загруженный график у его подчиненных, не желал разлучать влюбленных так быстро и оттягивал выписку до того момента, когда Герман все же наберется смелости и решится признаться в своих чувствах, которое выдавали его счастливые глаза. Конечно, как крестный отец Арины, Федор Иосифович считал, что о свадьбе болтать рановато и влюбленным нужно немного больше времени, чтобы получше узнать друг друга, но кажется, скорая помолвка была неизбежной, в силу того, что молодые так были счастливы вместе, что не замечали никого и ничего вокруг, будто они одни во всей Вселенной. Из-за этого Герман стал более мечтательным и рассеянным, но Перельман сумел направить его душевную вдохновенность в нужное русло, из-за чего молодой человек, окрыленный прекрасным, переполняющим его переживанием, работал в двое усерднее, дабы еще больше произвести впечатление на объект своего воздыхания.

Царивший мир влюбленных голубков, обнимающихся в беседке, первой нарушила Арина, когда отняла свои пальчики, от горячих губ Германа, что поцелуями покрывали ее кисти рук.

- Вы слишком торопите события, господин доктор. – Игриво сказала девушка, озаряя своего ухажера лучезарной улыбкой.

- Арина, вы замерзли? Ваши пальчики так холодны, что нуждаются в том, чтобы их согрели. – Ответил молодой человек, обдавая горячим дыханием ее ладони и стискивая их сильнее в своих руках. – Если здесь слишком зябко, то может, поднимемся в палату? – Спросил он, беспокоясь о состоянии любимой.

Девушка нахмурила бровки и выпучила губки в мольбе:

- Нет, только не туда! Мне все еще дурно от запаха чеснока и ладана, пропитавшего стены, а здесь так свежо и красиво, что мне совсем не хочется возвращаться обратно... Лучше расскажите мне о своем путешествии по Европе. - Просила собеседница, предвкушая услышать какую-нибудь интригующую историю из жизни своего ухажёра.

Герман скинул с себя пиджак, наспех накиннутый по верх белого халата, и заботливо накрыл им плечи своей возлюбленной, чтобы она не мерзла.

- А что там рассказывать... – Пожал он плечами. - Матушка настояла, чтобы я сопровождал ее в поездке в Париж, прикрываясь тем, что ее бедный «малышок» так усердно учился, что у меня не было времени на нее. Поэтому, после окончания института, вместо того, чтобы преступить к практике, два месяца я провел в Париже с маман. Отец и дед были в ярости, но моя мать слишком уперта и любит меня настолько, что смогла победить двух мужчин и достичь своей цели.

- Ха-ха-ха. – В голос засмеялась Арина и продолжила сардонические речи. – И как же «малышку» жилось в Париже? Балы и прогулки с маман утомили вас, мой дорогой Герман?

- Да какой там. Все это время я провел в библиотеке, читая книги и восполняя пустоты в памяти, что стали образовываться из-за затяжного отдыха. Мать так негодовала, что пообещала больше никогда не брать меня с собой в поездку...

- Какой же вы скучный, «малышок». – Хохоча, заявила темноволосая красавица и игриво шлепнула молодого врача по плечу.

- Ах, вы ж, злодейка! Вы провоцируете меня на месть! – Забавляясь по-детски, возмутился Ларионов. – И не смейте звать меня «малышком»! Я ненавижу это прозвище.

- Ну, малышок? Вам так идет это прозвище, что я не могу боле удержаться, чтобы не звать вас малышком. Малышок! Малышок! – Дразнила его юная проказница.

- Ну все, барышня, вы сами напросились на порку! – Подыгрывая своей сердечной подруге, изрек юноша с усиками, строя суровое лицо, но у него это плохо получалось, так как счастливая улыбка сама собой просилась наружу.

- Только если, мой малышок, сможет меня поймать!

Арина захохотала еще сильнее и попыталась убежать от преследовавшего ее Германа, что желал наказать девушку за издевательства, для этого он выставил руки в стороны. Юная нимфа с веселым визгом увернулась от его рук и шмыгнула в сторону, но на втором круге пробежки у балюстрад арки, была вероломно схвачена и заключена в крепкие мужские объятия.

Смех девушки быстро затих и, нежась в заботливых руках надежного кавалера, ей взгрустнулось.

- Вот вы и попались, шалунья! – Победоносно заявил молодой человек, ожидавший полной капитуляции девушки для поцелуя, но заглянув в глаза возлюбленной, не увидел ничего, кроме страха.

Ларионов заметил резкую перемену в настроении пациентки Ранкович. Он решил узнать, с чем связано ее желание абстрагироваться в такой романтический момент, самый подходящий для поцелуя и признания:

- Арина, вы в порядке? Может я сделал, что-либо, что вас огорчило?

Девушка приникла своей головкой к его груди и с силой сжала веки.

- Нет, - слабым голосом отозвалась она, - просто я боюсь, что этот момент закончится, и тьма поглотит меня окончательно.

- Этого не случится, ведь я не позволю! – Заявил уверенно Герман. – Вам нечего опасаться, Арина.

Юная барышня еще сильнее вжалась в его грудь, вдыхая аромат его претенциозной одежды с одеколоном, смешанным с запахом медикаментов и больницы, пытаясь запомнить его, а после подняла свои гипнотические черные глаза, обрамленные роскошными длинными ресницами, и ответила:

- Я чувствую, как вместе с моим выздоровлением в «нем» пробуждается дьявольский голод. С каждой ночью, что он не может приблизиться ко мне, в нем растет неистовая ярость... Скоро будет полнолуние, и я предчувствую его появление, что не сулит мне ничего хорошего, а лишь дурное. Все сильнее его голос в моей голове, он твердит, что совсем скоро и всецело я буду принадлежать лишь ему, а все, кто желает разлучить нас - умру...

Герман не дал договорить девушке, своим поцелуем. Его губы лишь на мгновение соприкоснулись с ее и, разъединившись, он посмотрел в ее глубокие растерянные глаза, напоминавшие ему редкие черные авантюристы, и сказал с беспокойством в голосе:

- Никогда! Вы слышите? Я не отдам вас никому, моя малышка, потому что полюбил всем сердцем и не намерен вас уступать, хоть черту, хоть самому дьяволу или кровопийце!

Молодой врач вновь пленил Арину своими объятиями, боясь хоть на секунду выпустить ее из своих рук, иначе, как говорится в старинных русских сказках, красавица могла обернуться прекрасной белоснежной голубкой и упорхнуть, а он не мог этого допустить.

Уединение и искреннее признание, за которым должен был последовать страстный поцелуй, было прервано самым дерзким способом. Перельман, высунув свою рыжую бороду в открытую форточку и окрикнул своего помощника.

- Черт возьми, Ларионов! Долго ты еще будешь прохлаждаться без дела? Хватит морозить мою крестную дочь и немедленно поднимись ко мне. Не забывай, что жалование тебе платят не за свидания, а за работу.

Интонация, с которой выкрикнул профессор была намного мягче, нежели обычно, когда он чертыхался, поэтому влюбленная парочка нисколько не испугались. Они разочаровано улыбнулись друг другу, лишь глазами намекая, как им жаль, что их побеспокоили.

- Уже иду, Федор Иосифович. – Краснея от смущения, откликнулся Герман, словно нашкодивший школьник выглядывая из-под белого купола беседки.

- Немедля! – Поторопил его главврач и захлопнул створку окна.

Молодым людям пришлось поспешно ретироваться и занять свои места в больнице: Герман проводил пациентку в палату, а сам вернулся в кабинет Перельмана.

Войдя в святилище демиурга психиатрии, немного расстроенный из-за того, что его план по признанию в любви был немного искажен и все произошло не так, как ему хотелось, интерн откашлялся и спросил:

- Зачем звали, Федор Иосифович?

Профессор обернулся. В его руках была пожелтевшая папка, которую он передал озадаченному юнцу.

- К нам только что поступил новый пациент. Прочти, тебе может быть интересно.

Герман уставился в бумагу и молча пробежался глазами по строчкам с кривым почерком Перельмана, пока зрелый мужчина продолжал пояснения:

- Этого цыгана сразу направили к нам. Я уже осмотрел его и определил в общую палату. Угрозы он никакой не несет, но вот его бред... Думаю, что это как-то связано с Ариной.

Ларионов дал договорить Перельману и округлив глаза до размера царской монеты, встревоженно прочитал то, что смог разобрать.

- У пациента, по словам его близких, обнаружились резкие перемены в поведении и предпочтения в еде: ест насекомых и пресмыкающихся в сыром виде, от обычной еды отказывается. Днем забивается в темный угол и бредит. Пациент утверждает, что служит некому хозяину и часто называет его «Хозяин ночи» или «Властелин тьмы», описывает его как древнего мертвеца, питающегося кровью людей. Взгляд пациента, как и его сознание, затуманены, не признает близких и не воспринимает реальность. – Закончил Герман и поднял свои глаза к рыжебородому профессору. – Федор Иосифович, могу ли я поговорить с ним сейчас?

- Конечно, голубчик, если только тебе удастся вытащить его из-под кровати. – Взмахнул рукой главврач, жестом показывая, что дает ему все карты в руки, чтобы его протеже смог лично убедиться в уникальности новоприбывшего пациента.

- В каком смысле?

- Самом прямом. – Ответил Перельман, приподняв брови и держа руки за спиной. – Пациент забился под кровать и не желает оттуда вылезать, отказываясь от еды и питья, и что-то бормочет себе под нос.

- А вы осмотрели его шею?

- Да, но там нет никаких следов. Похоже, что это просто временное помешательство на фоне алкогольного делирия... проще говоря, белая горячка. Пациент злоупотреблял горячительными напитками и его накрыло. Обычный случай. – Заключил профессор, разведя руки в сторону.

- Возможно вы правы и это лишь белая горячка, но я хотел бы сам в этом убедиться.

Герман поблагодарил своего наставника за предоставленные ему полномочия и отправился в общую палату, представляющую из себя подобие казармы, где одиночные койки были тесно расставлены по всей площади просторного помещения, разделенные между собой лишь узеньким проходом.

Молодой психиатр прошел по холлу мимо пациентов, занимающимися своими обычными делами, болезни которых проходили в вялотекущей форме, и целенаправленно вошел в общую спальню. Ларионов нагнулся и посмотрел под кроватями. Под одной из коек он увидел в дальнем углу темную тушку. Мужчина подошел поближе к скрывавшемуся в тени пациенту, который к моменту его прихода успокоился и лежал не шевелясь, уткнувшись головой в стену.

- Вы Жан? – Задал вопрос Герман, и пытаясь выманить пациента из-под кровати, сообщил спокойным уверенным голосом. – Можете выбираться из своего убежища, здесь опасность вам не грозит.

Под койкой послышалось шуршание и изрядно пропитый голос с небольшим акцентом ответил:

- Я вовсе не боюсь.

- Чего же вы тогда прячетесь, раз не боитесь? – Поинтересовался Ларионов.

- Мой господин приказал мне забиться в щель и не высовываться.

Молодому специалисту стало любопытно вдвойне, особенно посмотреть на пациента, словно он был дрессированной цирковой обезьянкой, которая приковывала к себе внимание зрителей. Тогда Герман сам присел на пол и заглянул под больничную кровать. В нос ему ударил резкий запах грязного белья и мочи, но вот запаха перегара он не учуял, а значит пациент был трезв, как стеклышко и относительно вменяем. Ларионов поборол свою брезгливость и продолжил осторожно расспрашивать цыгана, что лежал к нему спиной, скрывая свое лицо.

- Кто ваш хозяин? Как его зовут?

Пациент тихонечко всхлипнул и ответил таким жалостливым тоном, что вызвал у будущего психиатра сострадание к своей жалкой персоне:

- Кх, я не знаю...

- Вы не знаете, как зовут вашего хозяина, Жан?

- Хм, да-а-а. – Протянул цыган. – У нас называют его «Стригой».

Только от упоминания одного этого слова у юнца засосало под ложечкой, ведь он знал, что оно значит, но желание узнать о существе по-подробнее, заставило его говорить дальше:

- Что это значит?

- Это значит «Дитя Ночи» - живой мертвец. – Ответил трясущийся от страха мужчина, так и не повернувшись к своему собеседнику.

По позвоночнику Германа пробежала стайка мурашек, оставляя после себя некомфортное ощущения. Молодой мужчина нутром почувствовал, что история нищего цыгана, как и

предполагал Перельман, как-то связана с Ариной, по крайней мере из-за того, что в рассказе фигурировал живой мертвец, который мог оказаться одним и тем же персонажем.

- Ты видел его? Как он выглядит? – Более заинтересованно спросил Ларионов.

- Как холодный труп с заостренными конечностями, а зубы его, как у животного... - Из-за того, что голос рассказчика менял тональность, история его наводила все больше жути на слушателя.

Сердцебиение Германа участилось. В предвкушении рассказа, он неосознанно подался к повествующему цыгану, потянувшись вперед. В этот момент Жан молниеносно обернулся, показав свое пропитое смуглое, заросшее черной порослью лицо, обрамленное черными спутанными волосами, с беззубым, широко открытым ртом. Блестая в темноте своими выпученными на выкате глазами, он напугал интерна не на шутку.

Ларионов резко отстранился, но его побег остановила соседняя кровать, о которую он ударился своей спиной, как о барьер, и не смог дальше двигаться.

Цыган лет сорока пяти на вид продолжал говорить, не обращая внимание на испуг молодого врача:

- Глаза хозяина горят во тьме, как у волка, а силы у него в руках столько, что может переломить хребет одним махом. – Говорил Жан, подкрепляя свой рассказ жестами и экспрессией по средству пантомимы. – Двигается он подобно ветру: иногда плывет по воздуху плавно, точно лодка на воде, без шороха и колебаний, а иногда проносится как вихрь... и он не отбрасывает тени...

В целом новый пациент выглядел обезумевшим, особенно, когда выпучивал черные глаза с пожелтевшими белками, что наводило на неопытного психиатра еще больше страха, но он так же смог распознать во взгляде Жана едва различимый проблеск разума, что говорило о мужчине, говорящем с акцентом, что он не до конца сошел с ума.

Для Германа, который понял, что для него опасности от кутилы не исходит, немного успокоился, но сердце по-прежнему колотилось в его груди быстро и гулко, а вот в отличии сердечной мышцы, его разуму все стало очевидно - забулдыга-цыган рассказывал о настоящем вампире.

Сглотнув слюну, Ларионов осмелился вновь возобновить опрос неряшливого голодранца, коим являлся Жан, о чем свидетельствовала его потрепанная одежка и неухоженный одичалый вид.

- Вампир пил твою кровь? Позволишь осмотреть мне твою шею? Я хочу помочь и избавить тебя от навязчивых мыслей.

Черное из-за употребления алкоголя лицо, нахмурилось.

- Нет. Хозяин не кусал меня. Он сказал, что моя кровь грязная и зловонная. Он сам напоил меня своей кровью, чтобы я стал его рабом. – Заскулил мужчина, скривив свое и без того непривлекательное лицо.

- Для чего он сделал тебя своим рабом? – Не унимался ординатор, осторожно подкрадывающийся к разгадке тайны.

- Чтобы я исполнил его приказ.

- Какой приказ?

Цыган перестал всхлипывать и растянул свое лицо в безумной улыбке.

- Эво, ну этого я вам не расскажу, доктор - мозгоправ. – Засмеялся Жан, раскусивший Ларионова. – Мне не велено говорить.

- Это тебе твой хозяин не велел говорить? – Надавил на допрашиваемого Герман.

- Да. Хозяин строго-настрого запретил мне болтать, особенно господину мозгоправу.

У Ларионова перехватило дыхание, но справившись с тревогой, он продолжил осыпать новоприбывшего пациента вопросами.

- И что будет, если ты все же расскажешь мне? – Поинтересовался молодой психиатр, стараясь как можно больше выудить информации у цыгана.

- Нет, - усмехнулся Жан, - я не расскажу!

- Но все же, что будет? Он накажет тебя? – Внимательно наблюдая за реакцией, вопрошал юнец с усиками.

Цыган состроил лицо полное страха.

- Нет, мне нельзя! – Выкрикнул он обезумев. – Нет! Хозяин убьет меня!

Жан в мгновение оказался с Германом, вцепившись ему в ворот халата и выпучив глаза еще больше, он, перед самым лицом молодого психиатра скрежетал челюстью, в которой не доставало пяти зубов, и, охваченный ужасом, закричал во все охрипшее горло:

- Он выдерет из меня хребет и оросит моей кровью землю! Мою жену он лишит глаз, а детей, всех до единого отдаст на съедение упырям! – Верещал сошедший с ума мужчина.

На крики, расталкивая пациентов-зевак, в палату вломились санитары. Они быстро оторвали обезумевшего цыгана от Ларионова, который остолбенев от шока, не мог вырваться из мертвой хватки алкоголика.

Санитары стали колотить безумца своими деревянными палками, пока тот, плача от боли, не сжался в комок на полу, прикрывая голову грязными пятернями и молил своих надзирателей прекратить побои.

- Хватит бить его. Он ничего не сделал! – Остановил санитаров Герман строгим надрывистым приказом.

- Но у вас кровь на халате? – Сообщил ему один из сотрудников с дубинкой.

- Нет, я не ранен. Должно быть это не моя, а он вымазал меня, когда хватал. – Оправдывал он пациента.

Посмотрев на жалкого скулящего Жана, Ларионов убедился, что на его одежде действительно была не его кровь, а пациента, т.к. на кончиках пальцев напавшего цыгана, до крови были стерты ногти. Молодой врач предположил, что цыган ковырял пальцами что-либо и оказался прав. Когда он отодвинул от стены железную койку, под которой прятался Жан, то увидел, что побеленная стенка была исцарапана кровавыми рисунками черепа с острыми клыками.

- Зачем ты испортил стену? – Спросил взбудораженный Герман у всхлипывающего мужчины в поношенной одежде.

Жан среагировал и, взглянув на собственное творение, расплылся в любовной улыбке.

- Хо-зя-ин! – С мольбой и несмело он протянул руки к изображению.

- Это он тебе сказал так сделать?

Цыган отрицательно покрутил головой.

- Я не умею писать, поэтому накарябал, как мог.

Ларионову подумалось о том, что перед ним рьяный представитель, страдающий фанатизмом, который желает, чтобы объект его поклонения - его кумир всегда и везде был с ним. Такие проблемы обычно встречались у религиозных людей, что не могли разделять грань веры и погружались в религию так глубоко, что сходили с ума и даже убивали себя и свои семьи перед страхом ссудного дня, который по всем признакам должен был быть совсем скоро, но так никогда и не наступал. Жан так же был готов выполнить все, что прикажет его таинственный хозяин и, если бы вампир потребовал ему убить себя, этот пропивший мозги цыган, со сто процентной вероятностью, подчинился бы, ведь страх перед ночным существом был гораздо сильнее, чем желание жить.

Немного поразмыслив, Герман оставил пациента в покое, ведь толку от его допроса не было никакого, и Жан снова забился в свой темный угол под кровать.

После ухода санитаров, молодой психиатр тоже поспешил покинуть палату, но уже стоя перед дверью услышал тихий голос из-под кровати, но к сожалению, он не смог разобрать речь.

- Что ты сказал? – Спросил молодой специалист обернувшись, т.к. в фразе, произнесенной очень невнятно, почувствовалась угроза.

- Я сказал, что вам ее не спасти.

Молодой человек у двери обмер, но как только разум к нему вернулся, он насторожился.

- Кого? – Уточнил Ларионов.

- Ту молодую аристократку, за которой вы ухаживаете.

По спине Германа пробежал холодок, а под ложечкой снова неприятно засосало.

- Это ты говоришь или твой хозяин? – Спросил он, напрягая желваки.

- Хозяин сказал, чтобы я передал вам: барышня принадлежит ему. – Медленно и жутко прохрипел голос Жана, который в этот момент явно принадлежал ни ему, потому как в голосе слышались, несвойственная цыгану уверенность и гордость, что просто не могли исходить от трусливого и низкого человека.

Ларионова словно окатили ледяной водой, и он понял, что сейчас через цыгана с ним чревоушает сам вампир.

Молодой человек в белом халате рванул обратно к койке, под которой пряталось это существо и резко нырнул туда, схватив Жана за ворот поношенного тулупа и развернул его лицом к себе.

- Что ты сейчас сказал, вурдалак? – Крикнул он на него со злости потрясывая за ворот.

Глаза цыгана, что были темно карие до этого момента, сверкнули во тьме красным пламенем. От них исходила такая ненависть и злоба, что у Германа затряслись поджилки, а пальцы его, крепко сжимавшие ветхий воротник тулупа, дрогнули.

- Если тебе дорога твоя жизнь, докторишка, то не становись между нами. Девушка принадлежит мне и ей не избежать своей судьбы! – Ответил ему яростный голос с благородным акцентом.

Ларионову в пору было испугаться угроз, но при упоминании Арины в нем разыгрался дух соперничества, разгорячивший его сердце, и, с выбросом адреналина, заставивший его действовать смело и бесстрашно, вопреки своей интеллигентной природе.

Юноша покрепче схватился за горло Жана и вытащил его из-под кровати на свет, чтобы врезать ему по физиономии, но, оказавшись под лучами солнечного света, цыган ошетинился и зашипел, извиваясь и крича от мнимых ожогов. Вскоре это закончилось, и Жан пришел в себя. Герман, готовившийся к удару, успокоился так как понял, что вампир, угрожавший ему через своего раба, исчез.

Молодой психиатр опустил свой кулак и вытер проступившую испарину на лбу и усиках, а Жан вновь вернулся в свое убежище, шепча в бреду, что хозяин придет за своей невестой и этому никто не сможет помешать.

Выжатый словно лимон из-за потрясения, Герман покинул палату и более не заходил в нее без острой необходимости, заняв свои дни обыденностью и приятным общением с Ариной. Благо, что с того инцидента с Жаном, больше ничего экстраординарного не происходило, а все работники и пациенты городской психиатрической больницы вернулись в свою рутинную стабильность на целых три недели, за которые Ларионов в связке с Дёминым и Перельманом лихорадочно искали решения, как спасти мир и молодую барышню от страшной участи.

Для этого наследнику, носящему дворянскую фамилию выдающейся семьи врачей, пришлось очно познакомиться профессора с бывшим офицером, и, трое разных мужчин, задавшиеся одной целью, на удивление быстро сдружились, хоть характеры их были противоположными. Всегда рассудительный и спокойный Дёмин взял на себя задачу по поиску места обиталища вампира, пока двое его напарников были заняты на работе и опекой над жертвой вурдалака. Бывший полковник со всей своей страстью и самоотверженностью ввязался в это дело, ведь для него, рьяного сторонника мистики и сверхъестественного, с возвращением в семейное поместье, закончились всякие приключения, и эта история с вампиром, для его искушенного ума,

была словно поток свежего воздуха, вернувшая интерес к жизни и разбавившая его пенсионерскую рутину.

Мужчина никогда не встречал нечисть в живую и очень мечтал своими руками уничтожить это сущее зло, проникшее в его страну. Он считал, что исполнив свой долг, ему можно будет умереть со спокойным сердцем, а пока исчадь ада гуляет на свободе и отнимает жизни у невинных, его предназначение не исполнено и расслабляться рано. К счастью Григорий Осипович был еще тем престарелым живчиком, в ком кипела кровь, толкая его на подвиги, но вот ум его, отображавший внешнее умиротворение, всегда был тих и спокоен, т.к. он никогда не принимал поспешных решений в горячке, а всегда все медленно и основательно обдумывал, следуя правилам: «думай медленно, решайся быстро», которые он перенял у своих английских друзей за время путешествия по Британии.

Этим субботним осенним утром, пересмотрев горы литературы и архивов в поисках ответов на свои вопросы, седовласый статный старичок с бакенбардами не нашел ничего, чтобы указало ему на личность вампира или его возникновение. Лишь старая газетная вырезка семилетней давности из «Известия губернии», попавшаяся ему на глаза, извещала о странных смертях, жертвы которых определено были замучены вампиром – об этом указывали две маленькие ранки на шеех трупов по описаниям очевидцев, видимо через которые тела были обескровлены, но более ничего необычного. Из газетной колонки было понятно, что редкие жертвы в разных местностях были оставлены либо разными вампирами, либо одним и тем же, перемещающегося из одного населенного пункта к другому, ведь это были единичные случаи. Из прочтенного Дёмин сделал вывод, что кровопийца был предельно осторожным и просто подерживал силы, но не творил себе подобных, продлевая молодость. Тогда, если это один и тот же вампир, орудующий на территории Российской Империи, то, почему он выбрал Арину Ранкович? Неужели исчадь влюблен в девушку?

Георгий Осипович вспомнил, что в одной из энциклопедий, подаренных ему Томасом Теодором Меррилином, он прочел, что носферату обращают тех, кто был им дорог при жизни. Таким образом, даже после смерти, родственная привязка остается. За частую матери, ставшие ночными кровопийцами, обращали в вампиров своих детей, мужчины же являлись к своим женам и возлюбленным. Но почему Арина Ранкович? Что касается информации о юной барышни, у кровососа с ней не было никаких родственных или любовных связей до его обращения, а значит тот носферату, что как клещ, мертвой хваткой вцепился в нее – особенный... Возможно он никогда не был обращен...

Дёмину вспомнилось, что как-то Теодор Меррилин вместе с показом вампирского черепа с клыками, рассказывал о том откуда появились живые мертвецы. Существует поверье, что еще в древние времена, в одной знатной и очень могущественной семье, правившей более тысячи лет назад в Закарпатье, родился ребенок с необычной мутацией. Он и стал первым упырем, принесшим вирус вампиризма в мир. От него пошли и остальные живые мертвецы, но и они отличались от своего первоначального источника и не могли делать те многие вещи, которые мог делать он, в силу того, что просто-напросто истинный обладал мистическими способностями, в отличие от порожденных им паразитов, что по сути своей были живыми мертвецами. Своего рода этот мутант был Демиургом и мог прибегать к метаморфозам и изменять материю, а обычное оружие из железа было бессильно против него.

Заграничный товарищ собрал много сведений на первоисточник вампиризма, и гонялся за ним по всему миру, но стоило Теодору приблизиться к нему, как носферату тут же исчезал, очень хорошо заматаив свои следы.

Прокопавшись в библиотеках до вечера и не найдя ничего ценного в местных источниках, полковник в отставке прибег к своим старым связям и подал запрос в восточную Европу, где его бывшие подчиненные строили свою карьеру, а дальше по списку в Англию, Теодору

Меррилину - своему товарищу по интересам, что занимался исследованием всего сверхъестественного, в надежде, что он прольет свет и укажет, как и где выследить кровососущую бестию.

Время шло, неделя сменяла предыдущую, а ответ на запрос так и не приходил, но старый офицер не опускал своих рук и, пока он терпеливо ждал письма, пропадал на местных кладбищах со своим помощником и выискивал склепы и могилы с признаками взлома.

Спустя месяц, затяжное спокойствие и умиротворение закончилось с бурей, обрушившейся на город ночью. Резко изменившаяся погода принесла с собой не только угрозу сильного ливня со шквалистым ветром, но и отягощающее предчувствие чего-то злого, что сковывало сердца стальной хваткой, обжигающей холодом.

Нечто паранормальное в погоде и вообще в воздухе ощущали все: бродячие псы рычали и выли, забившись под столетние ели в парковой зоне, неизвестно откуда взявшиеся вороны облепили все деревья на территории психиатрической больницы и заглушали весь шум проезжающих повозок по улицам своим карканьем, а пациенты словно превратились в стаю обезьян, беснующихся и издающих душераздирающие вопли. Арина Ранкович тоже впала в беспамятство: постанывая и ворочаясь в койке своей палаты, она бредила и повторяла, что «он» изголодался и скоро придет за ней. Девушка бессознательно, хватала Германа за плечи и умоляла защитить ее и не дать им увидеться, ведь в таком случае она не сможет сопротивляться жгучему искушению, которым вампир опутал ее, подобно пауку, окукливающему паутинкой свою добычу. Даже Жан, что все это время жил под кроватью, тоже изменился в поведении, и, в отличие от всех остальных, он своего рода впал в кому: его глаза остекленели, и он никого не слышал и не видел, а вел себя так тихо и смиренно, что, на фоне творившегося в больнице хаоса, о его существовании все и вовсе забыли.

С бурей, внезапно начавшейся еще до захода солнца, спокойствию мужчин тоже пришел конец. Перельман, Ларионов и Дёмин поняли, что эта ночь для кого-то станет роковой, но не один из них не отступил.

В больнице была кромешная тьма.

На фоне грозы, сверкающих молний и дождя, разбивающегося о окна, слышался грохот в запертые двери больницы.

- Да черт возьми! Филипп Карпович, откройте уже эти чертовы двери! Кого только принесла нелегкая в такую дрянную погоду!? – Гаркнул Перельман с лестницы второго этажа, перебиваемый завыванием ветра с наружи больницы и криками пациентов изнутри.

Заслышав недовольный голос начальства, старый сторожила держа перед собой керосиновую лампу, выбежал из темного коридора, ведущего в вестибюль. Он как раз разбирался с причиной внезапного отключения света и уже возвращался из цокольного помещения, отведенного под хозяйственные нужды.

- Иду, иду. – Крикнул привратник запыхавшись.

- Что вы там делаете? – Поинтересовался взвинченный профессор, нервничая из-за того, что апокалипсис случился именно в его смену.

- Я пошел проверять пробки, но свет потух не из-за этого...

- Должно быть из-за погоды оборвало линию выше по улице. – Предположил Федор Иосифович.

Сторож, поднял лампу и осветив свое лицо с нахмуренными густыми, торчащими в разные стороны бровями, сказал:

- В больнице нет света по другой причине... Все провода торчат наружу.

- Должно быть их снова перегрызли эти чертовы крысы! – Злился Перельман не в силах уследить за всем в эту сумасшедшую ночь.

- На крыс не похоже. Я осмотрел провода и нигде не нашел следов от крысиных зубов. Скорее всего кто-то...

Бах! Бах! Бах! – Еще более настойчиво заколотили в дверь, и этот грохот прервал объяснения сторожа, так что он не успел доложить о том, что кто-то намеренно лишил психиатрическую больницу электричества, выдернув их из щитовой коробки.

Шустрый для своих семидесяти шести лет, Филипп Карпович рванул к дверям и отпер их. В открытые двери, подгоняемые ветром, вместе с дождем и гонимым ветром ворохом мокрых листьев, в холл ввалились двое мужчин.

- Ну и погода! – Сетовал один незванный гость, стряхивая со своей шляпы лишнюю воду.

- Чего так долго не открывали, милейший? – Спрашивал другой, держа прямую аристократичную осанку.

Незванными гостями пришедшими так не вовремя, оказались Дёмин и его помощник.

Григорий Осипович со своим камердинером Аркадием Орловым, который был младше него лет так на двадцать, не побоявшись бури и грозы, прибыли вечером в больницу для душевно больных, дабы оказать содействие в поимке вампира.

- Что у вас случилось? Чтобы к вам попасть нам пришлось пробираться чуть ли не на ощупь. Почему здесь так темно? – Поинтересовался статный полковник в отставке, позволивший помощнику снять с себя промокшее до нитки пальто.

- В больнице нет света. – Ответил сторож, направляя на незнакомцев лампу и мысленно матеря их за то, что приперлись сюда в такую бурю, когда и так беспокойно.

Перельман издали узнал в неожиданных посетителях своего нового знакомого и его помощника, сопровождавшего всюду и везде бывшего вояку.

- Григорий Осипович? Вы какими судьбами? Удалось что-либо найти? – Поинтересовался главврач более сдержанным голосом. – Могли бы дождаться утра, дабы не бродить в такую скверную погоду.

Аристократ с бакенбардами поднял свои тусклые глаза на голос из тьмы второго этажа и сказал:

- Ждать утра нельзя, ведь может быть поздно. Этой ночью должно все решиться... Вы же тоже это чувствуете?

- Что именно? – Растерялся Перельман, не зная, что и ответить на такой неоднозначный вопрос.

- Это липкое ощущение внутри, словно тяжесть легла на сердце и давит к земле.

Федор Иосифович ничего не ответил, а пригласил гостей подняться, предварительно приказав сторожу вручить им запасную лампу.

- Непогода застигла нас, когда мы с Аркадием как раз были на семейном кладбище в поместье Ранковичей. Там мы ничего не нашли, но узнали у вашего друга, что в окрестностях его земель есть заброшенная церковь, и принадлежащий ей древний погост. Туда мы уже не успели попасть, т.к. моментально разразилась буря... Словно сама природа перешла на сторону этого дьявола и это тогда, когда я максимально приблизился к победе. – Закончил Дёмин в своей задумчивой спокойной манере.

- У нас дела обстоят не лучше. Сами слышите, что здесь твориться. – Буркнул Перельман, намекая на ту зоопарковую какофонию, что устроили пациенты и четвероногие жители парка на ряду с пернатыми.

- А как девушка? – Поинтересовался бывший военный.

- Арина бредит. Пришлось ее привязать к кровати и дать успокоительное. С ней сейчас Герман. Он уже сутки не отходит от нее. Парень изрядно устал, но ничего и слышать не хочет об отдыхе. – Главврач ввел в курс дела своих гостей и, освещая им путь, проводил к палате 113.

Вошедшие мужчины увидели перед собой, как мечется пристегнутая к койке девушка в окружении полнейшего хаоса из религиозных атрибутов, чеснока, зерна и узелков. Ее тело дрожало, а сама она, словно произнося заклинания, звала вампира и говорила, что согласна

быть его нареченной. Мрачный и встревоженный Герман сидел рядом с ней и, протирая ее лицо полотенцем от холодного пота, пытался достучаться до ее разума, но она не слышала его.

- Любимая, останься со мной. Мы поженимся и нарожаем множество детишек. Только представь, как мы все будем счастливы... - Шептал молодой человек, не заметивший, что в палате, поглощенной тьмой стало светло и тесно.

- Рихтер, возлюбленный мой... приди, я жду тебя... я твоя... твоя... - еле слышно, проговаривала жертва кровопийцы, мотая головой из стороны в сторону и закатывая глаза под верхнее веко.

Вид измученной девушки и такого же измученного Германа опечалил Перельмана и Дёмина, но все прекрасно понимали с какой темной силой они столкнулись и, что для всех встреча с вампиром не пройдет бесследно.

Григорий Осипович, поздоровался с Германом и положив ему на плечо свою, покрытую пятнами ладонь, попытался подбодрить его:

- Этой ночью мы его точно уничтожим и это закончится, как дурной сон.

Внук старинного друга вместо словесного ответа кивнул и натянуто улыбнулся, но его улыбка была такой безжизненно-вялой и неестественной, что Дёмин испугался за юношу. Видя в этом всегда обходительном, уверенном и улыбчивом молодом человеке страх и растерянность, причем страх его был вызван не трусостью, а боязнью потерять то, что ему стало ценней самой жизни, Григорий Осипович ненароком сочувствовал и искренне желал помочь его беде.

Саму же виновницу душевных терзаний молодого психиатра, пришлось усыпить с помощью морфия, ведь девушка, со сгущающейся тьмой над лечебным заведением, стала вести себя гораздо агрессивнее: она кусалась и царапалась, пытаясь сбежать к своему любовнику, а чудесным образом возросшая в ней сила была способна разорвать кожаные оковы, что удерживали ее в кровати.

Мужчины, угнетенные тяжестью предстоящей встречи с самим хозяином тьмы, под далекое завывание душевнобольных и неистовавшей снаружи бури, молча расположились на стульях в палате Арины. Все четверо вооружились крестами и осиновыми кольями, что принес с собой в саквояже камердинер Дёмина, заранее изготовленные из веток осины, что росла на территории усадьбы Григория Осиповича. Сам аристократ прихватил с собой боевую саблю, окропленную святой водой, в надежде, что ему удастся отрубить голову ночной бестии и отправить ее для дальнейшего исследования своему другу - Томасу Меррилину.

До середины ночи в стенах психиатрической больницы все было спокойно за исключением погоды и галдящих шизофреников, которые в миг смолкли, словно прислушивались к чему-то. Почувствовалась давящая и очень мрачная атмосфера, повеяло могильным холодом и, сидящие на чеку мужчины поняли, что «это» началось.

Все четверо, взволнованные и оцепеневшие, они еще сильнее сжали в руках колья. Переглядываясь друг с другом в слабом освещении керосиновых ламп и проглатывая колющий воздух, они прислушивались к скрипу и посторонним шорохам.

Внезапная тяжесть навалилась на мужчин, словно трясина засасывая их в сон, с которым сложно было бороться. Ларионов вытянул руку с крестом и желание уснуть отступило.

- Он совсем близко. – Прошептал Дёмин, вытянув саблю в сторону распахнутой настежь двери палаты.

В мерцаниях молнии, когда близкая вспышка, сопровождаемая треском грозы и раскатами грома, осветила собой всю комнатку, в открытых дверях появился высокий мужской силуэт в приталенном длинном плаще, сопровождаемый запахом озона, сырости и тлена.

Увидев кресты и чеснок, вампир ошетинился и зашипел. Он оградился от пугающего его вида и запаха чеснока краем своего плаща и тут же исчез вместе со светом молнии.

Все произошло быстро, но охотничий квартет, успевший узреть явление вурдалака и его моментальное исчезновение, разом вздрогнул, после чего у каждого кожа стала гусиной, а волосы на теле встали дыбом.

Четверо мужчин, перепуганные до чертиков, вскочили со своих мест и стали оглядываться по сторонам.

- Это он! Он здесь! – Вскрикнул Герман и обернулся к Перельману. – Теперь вы мне верите?

Главврач ничего не ответил, т.к. искал всему этому логическое объяснение, но так и не знал, как можно объяснить моментальное появление и исчезновение кого-либо, ведь даже профессиональные фокусники или иллюзионисты не были на это способны.

Внезапно раздался истошный крик и последовавший за ним звон разбившегося стекла, донёсся из общей палаты. Пугающие звуки заставили мужчин синхронно вздрогнуть.

- Мне нужно проверить, все ли в порядке. – Сказал Федор Иосифович, намереваясь узнать о происходящем в его больнице.

Прихватив с собой керосиновую лампу, главврач желал уйти, но полковник в отставке преградил ему путь.

- Нельзя чтобы вы ходили в одиночку! Так с вами будет легко справиться, ведь вы не знаете на что способно это исчадие ада. – Выступил вперед Дёмин. – Кто-то должен пойти с вами.

- Я пойду, а вы останьтесь с Ариной. – Вызвался Герман, пояснив свое решение. – Палата защищена, и вампир не подступится близко, к тому же у вас имеется сабля.

Дёмин кивнул и их бравый квартет распался на два дуэта: двое покинули палату, а двое остались охранять спящую жертву.

Освещая себе путь лампой, Перельман и Ларионов вошли в общую палату и увидели, как до смерти перепуганные пациенты, сгруппировались в одну кучу и, прижавшись друг другу в самом дальнем углу палаты, тихонько мычали, указывая на окно.

- Что случилось? – Рывкнул на них главврач, который сам уже был на взводе.

Пациенты молчали, словно проглотили языки и, чтобы выяснить о произошедшем, Перельману самому пришлось подойти к разбитому окну, в котором отсутствовала защитная железная решетка.

Выглянув из окна и, сопротивляясь хлеставшему ливню, подгоняемому ветром, он увидел в свете сверкающих молний, как два его санитары, которых он оставил дежурить в эту ночь в общей палате, лежали на земле мертвые. Оба сотрудника были придавлены тяжелой оконной решеткой, а на их лицах застыло выражение ужаса, которое они увидели в последний миг своей жизни.

Чертыхнувшись и, с лицом, выражающим полное недоумение, профессор обернулся к Герману. Он медленно стянул с головы белую шапочку, промокшую до нитки, и вытер ей свое омраченное скорбью мокрое лицо.

Герман не понимал, что случилось, поэтому, чтобы утолить свое любопытство, он мельком выглянул из окна.

- Господь, всемогущий! – С тревогой из него вырвалось выражение, которое так часто он слышал от своей бабушки, что вставляла его каждый раз, когда творилось что-либо из ряда вон выходящее.

Разбушевавшийся еще сильнее ветер, заставил ветви деревьев ударить по другим окнам этой палаты, что и они разлетелись вдребезги.

Перельман схватился за голову, его одолевали беспокойства о том, что ему теперь делать: как сообщить родным санитаров о их кончине и, что делать в первую очередь, но голос молодого помощника вернул его из мира размышлений в реальность.

- Федор Иосифович, им уже не помочь. Арина! Нам нужно поспешать к ней. Пойдемте!
– Герман потянул главврача за рукав.

Мужчина посмотрел на Ларионова и согласно кивнув головой, поддался его приказу.

Путь этих двоих до палаты сто тринадцать резко сокращался и, когда, до цели оставалось всего пару шагов, оба мужчины почувствовали сковывающий их страх, словно в палате было что-то весьма зловещее, что заставляло кожу покрываться пупырышками, волосы шевелиться, а желание идти туда улетучиться.

- Григорий Осипович, вы там? – Позвал Герман полковника, но никто ему не ответил.

Ларионов напрягся, предчувствуя что-то нехорошее. В палате что-то шелестело.

- Григорий Осипович, это вы? – Глотая слюну и пытаясь побороть страх, вновь спросил парень.

Шелест в палате прекратился. Внезапно оттуда выскочил кто-то лохматый, держа в охапке кресты и вязанки чеснока, и с истерическим смехом молниеносно пронесся мимо мужчин, что те не смогли даже среагировать. Этот кто-то задел керосиновую лампу, что была в руках у Перельмана и опрокинул ее, заставив единственный источник света исчезнуть. Двое мужчин погрузились в кромешную тьму и, если бы не небесные вспышки, то они бы не смогли отыскать заветный дверной проход.

Судя по отвратительному запаху затхлого белья и мочи, Герман понял, что из палаты Арины выбежал Жан, про которого все так охотно забыли. Молодой человек рванул вперед и, в проблеске молний увидел, как на полу из палаты торчит что-то блестящее. Он понял, что это было острие сабли Дёмина и раз, сам мужчина и его помощник не отзывались, значит случилось что-то очень плохое.

Преодолевая страх и тяжесть, сковывающую его тело, Герман вбежал в палату и увидел, как в частых мерцаниях молнии, осветились два тела на полу. Парень перевел свой испуганный взгляд на кровать Арины. Койка была пуста, а чеснок и религиозные атрибуты, вместе с узелками куда-то подевались. Герман быстро сопоставил все детали и понял, что причиной исчезновения вампирских ловушек стал сумасшедший цыган, расчистивший своему хозяину путь. Ларионов мысленно укорил себя за то, что позволил этому случиться и не дал санитарам избить Жана до полусмерти, что обездвижило его на долгое время и сейчас бы он со своими компаньонами не был бы в такой затруднительном положении.

Герман наклонился к лежащему на полу Дёмину и его помощнику Аркадию. Приложив два пальца к их шее и нащупав пульс, он убедился, что мужчины живы, но находятся без сознания.

- Они мертвы? – Поинтересовался дрожащим голосом главврач, вошедший следом за молодым психиатром.

- Нет. Скорее всего Жан их оглушил. – Ответил молодой человек, нащупавший рядом с камердинером Дёмина металлический прут от оконной решетки.

Внезапно на мужчин стала наваливаться вязкая усталость, желающая погрузить их в сон. В помещении как-то резко помрачнело и оба психиатра сообразили, что их состояние изменилось, как только они пересекли порог палаты, но из-за потрясения эти ощущения немного запоздали.

В этот момент слабый женский стон, раздавшийся из угла, заставил мужчин обратить свое внимание к месту звука. Две пары выпученных от страха глаз уставились в кромешную тьму самого темного угла, где не возможно было что-либо разглядеть. Даже свет молнии не мог осветить этот угол, который скрывал в себе источник сонливости и зла. На лбах Перельмана и Ларионова моментально выступили капельки холодного пота, а в желудках их словно бы колыхался студень, остужающий их изнутри.

- Он здесь. – Еле слышным шепотом, сказал Герман своему старшему наставнику и, осторожно полез в карман своего белого халата, дабы вытащить оттуда небольшую освященную в церкви иконку.

Перельман последовал примеру своего младшего сотрудника.

Федор Иосифович, отгоняющий тяжесть сновидения с помощью иконы святой троицы, покрылся мурашками, а его рыжие волосы приподнялись на затылке.

Реакция того, кто скрывался во тьме угла последовала молниеносно. Послышался шелест плаща, и черная высокая фигура отделилась от черноты стены и выплыла в центр палаты, освещаемая бликами молний.

Медленно вурдалак открыл свои светящиеся рубиновым светом глаза и издал звук, напоминающий тяжелый зловеющий вздох, от которого кожа мужчин стала деревянной.

Сонливость отступила благодаря оберегам, но это было ни то оружие, что могло уничтожить властелина тьмы, поэтому, мужчины озаботились о осиновых кольях, и крепче сжали их в своих кулаках.

Вампир, глядящий горящими глазами, оскалил свои волчьи клыки и зашипел подобно змее.

Ларионов, борясь с чувством страха, помыслил: «нужно действовать!». Он бросился на ночного гостя, словно защищаясь щитом, держа перед собой крест, а в место меча - осиновый кол.

- Чего же вы, Перельман? Окружайте его! – Рывкнул смелый юноша, призывая главврача на помощь.

Вампир, понявший, что его пытаются отправить на вечный покой и разлучить с возлюбленной, рассвирепел. Его глубоко посаженные глаза блеснули адским пламенем еще ярче, а его клыки оголились в оскале еще шире.

В этот момент Ларионов кинулся на исчадье, не дожидаясь Перельмана, который от страха растерялся и стоял у дверей палаты, как алебастровая статуя: весь белый и обездвиженный.

Вампир с легкостью откинул от себя худенького Ларионова, вступившего в открытую атаку, и тот ударился об стену, но остался в сознании. После, ночной гость моментально оказался у остолбеневшего в дверях мужчины в белом халате, и своей твердой рукой, с невероятно длинными бледными пальцами с желтыми ногтями, ухватил Перельмана за шею и сдавил ее, готовый тут же переломить, как хрупкий сук. Осиновый кол, внезапно пронзивший его спину, не дал ему этого сделать.

Своим острием колышек резко вошел между ребер живого мертвеца, но, к сожалению, не достиг своей цели. Герман успевший подойти со спины и ударить, промахнулся и даже не задел сердце кровопийцы, за то, заставил выпустить из своей стальной хватки сдавленную шею профессора.

Раненный вампир взревел, как неистовый дикий зверь и отшвырнул от себя обоих мужчин с их оружием. Перепуганный до чертиков Перельман, огненные волосы которого окрасились в белый, с хрипом и жадностью стал хватать воздух и тереть свою шею, посиневшую от отпечатков пальцев вампира. Ларионов, дважды ударившийся головой о стену тоже приходил в себя, лежа у дверей палаты и шаря по полу в поисках какого-либо оружия, вместо своего, что он потерял в схватке.

Носферату, раненный и угнетенный, протянул свои длинные корявые пальцы к самому темному углу палаты, где он оставил Арину перед схваткой, и взмолился таким лилейным голосом, что даже мужчины, готовившиеся к новому раунду, прониклись к душегубу состраданием и поддались на его чарующий призыв, замешкались в своем желании одолеть чудовище.

- Восстань, моя любовь, и дай мне сил. Приди ко мне! Иди же. – Певучим тоном и приятным бархатистым голосом с небольшим акцентом, призывал он, прикрывая свою рану в груди, из которой сочилась густая жидкость, кажущаяся совершенно черной во тьме.

Буря продолжала шуметь за пределами больницы, набирая свою силу с каждым порывом ветра и ударами дождя по стеклу, тем самым нагнетая и без того жуткую атмосферу, кажущуюся концом света в данных условиях.

Спящая непробудным сном девушка открыла глаза, затянутые пеленой забвения. Она поднялась с пола.

- Рих-тер. – Ответила красавица без эмоций, словно была бездушной куклой - марионеткой.

Поддаваясь его гипнозу, Арина сделала неуверенный шаг вперед.

Вампир тут же преобразился: его лысая бледная макушка моментально покрылась густыми черными волосами, завитками, ниспадающими ему на плечи, острые черты его лица на глазах смягчились и наполнились. Перед Ариной стоял уже ни высокий сухой труп, а настоящий светлокожий красавец-атлет с широкими плечами, привлекательными мужественными чертами лица и заостренными кверху ушами, в очень изысканной одежде, модной два века тому назад в Европе.

Покалеченные мужчины наблюдали за происходящим не в силах пошевелиться, т.к. в моменте борьбы они потеряли свои защитные обереги, а тем временем вурдалак на их глазах соблазнял свою жертву, выманивая ее из угла.

Арина поддалась искушению и ответила на его призыв. Ослепленная его гипнозом, а также красотой и величием, девушка в считанные мгновения оказалась в его объятиях.

Ларионов, не желая делиться Ариной с кем бы то ни было, тем более с исчадьем тьмы, схватил с пола первое что попало ему в руки. Крест, лежавшего без сознания Дёмина, оказавшийся в его руках, он сжал посильнее и, выхватив из рук полковника саблю, набросился на вампира, но было уже поздно.

Укрывшая Арину в коконе из своего плаща, древняя и очень хитрая тварь, успела испить крови невинного и иссушить девушку, тем самым обескровив ее.

Прежде, чем острие сабли коснулось его плаща и прорезало ткань, укутывающего хищника и его жертву кокон растворился, а мертвенно-бледная девушка с окровавленной шеей и открытыми ранами на ней, рухнула прямо в руки Германа.

В мгновение, сильный порыв, неизвестно откуда возникшего в палате сквозняка, выбил окно с металлической решеткой и, вместе с облаком искрящихся осколками стекла и кровопийцей, вырвался наружу, унося с собой зловещий хохот вампира. Смех его такой неистовый и зловещий, от которого стыла кровь, раздался по всей округе и вскоре стал удаляться.

Перельман сумевший к этому времени побороть свое состояние кататонического ступора, кинулся к окну и, в свете бликов молнии увидел, как во тьме, нечто напоминающее огромную уродливую летучую мышь, размахивая своими перепончатыми крыльями, стремительно направлялось к линии горизонта.

- Федор Иосифович, помогите! – Проскулил Герман, поднимая девушку на руки и отрывая главврача от жуткой картины, заставившей атеиста перекреститься и уверовать в бога.

Перельман, все еще пребывающий в шоке, подскочил к молодому человеку. Он действовал машинально, пока рассудок его бунтовал.

Мужчины уложили девушку на кровать и тогда Ларионов, утирая холодный пот со лба, спросил:

- Теперь вы мне верите?

- Даже не знаю, голубчик. Сейчас я не могу верить даже собственным глазам. Что же это было? Не уж-то коллективное безумие?

- Нет, господин главврач. Вы видели прямое доказательства существования вампиров! – Заявил уверенно Герман, проверяя состояние жертвы.

Арина еле дышала, а пульс был таким слабым, что Герман перепугался, ведь она была на грани. Он открыл ее веки и испугался ее стеклянного взгляда: зрачки были расширены настолько, что за ними не было видно радужки.

- Скорее, нужно что-нибудь сделать! – Сорвался Ларионов, прибывая на грани истерики.

Все попытки реанимировать девушку кончились провалом. К рассвету, сердце Арины Ранкович остановилось навечно, наложив темную печать печали на сердца двух мужчин, так отчаянно боровшихся за ее жизнь. Дёмин и его помощник с тяжелыми травмами головы, пришли в себя уже после всего случившегося и узнали страшную весть. Им не удалось спасти невинную девушку этой роковой ночью, но они могли еще спасти ее душу, а вот напавший на мужчин цыган Жан исчез из больницы и его больше никто не видел.

Перельману же пришлось хуже всех, т.к. ему пришлось объясняться с родными погибших санитаров и давать показания в участке по поводу той страшной ночи, унесшей несколько жизней. Полиции не сильно вдавались в подробности той злополучной ночи, и, переложив всю ответственность на природный катаклизм, отпустили его. Конечно же профессор умолчал о вампире и многих подробностях того происшествия, ведь не хотел, чтобы на главврача психиатрической больницы смотрели, как на спятившего, а вот своему другу Назару Ранковичу он рассказал всю правду, но отцу, потерявшему свое возлюбленное дитя, было уже все равно.

После похорон Арины Ранкович, Герман, потерявший всякий смысл жизни, как и само желание жить, усомнился в своей полезности обществу и выборе профессии, и хотел было бросить психиатрию, но Перельман уговорил его остаться, дабы как следует изучить феномен вампиризма и спасти от него других людей.

Спустя неделю от смерти Арины, Дёмину пришел ответ на запрос от его английского товарища Томаса Теодора Меррилина, который выслал ему все рукописи, что ему удалось найти и перевести, касающиеся их приезжего вампира. Им оказался Рихтер Брынцгаль – закавказский вельможа и прямой потомок Влада Цепеша Колосажателя, прозванного Дракулой, жившего еще в начале 15 века. В истории мало, что говорилось о нем, ведь его жизнь, как и смерть была полна темных тайн и загадок, но мужчины были полны решимости разгадать эти тайны, ведь желали отомстить вурдалаку за смерть невинной красавицы.

Сразу же после кончины благородной аристократки, четверка смелых мужчин, попытавшаяся бросить вызов вампиру, так и не смогла отыскать склеп или могилу Рихтера, где тот скрывался от солнца днем, но они не бросали попыток.

Пятничная ночная смена вышла достаточно сумбурной, а все потому, что больные шизофренией были весьма взбудоражены и рассказывали о светлолицем ангеле в белоснежном платье, пришедшем освободить их души от суеты бренного мира.

Уставший Ларионов, закончив вводить последнему буйному пациенту успокоительное, направился из палаты душевнобольных по коридору второго этажа, где были одиночные палаты. Внезапная мелодия, раздавшаяся из пустой палаты сто тринадцать, заставила Германа содрогнуться и замереть. Это определенно был голос Арины, который он не мог ни с кем спутать, ведь именно эту песенку девушка напевала, когда ей было скучно и которую он знал наизусть.

Не помня себя, опешивший интерн, чья кожа приобрела гусиные пупырышки, рванул к окошку в дверях палаты и увидел во тьме, освещенный светом луны силуэт темноволосой девушки в венке и белоснежном подвенечном платье пышного покроя с обилием искусственных белых роз на нем.

Паренек узнал это платье, ведь именно он выбирал его и венки из таких же белых роз, что так сильно подходили к ее неземной красоте. Он хотел, чтобы любимую схоронили именно в

этом подвенечном комплекте, так сказать, последний посмертный подарок, что он смог сделать в знак своей любви к покойной аристократке, на которой он мечтал жениться...

Рука сама потянулась за ключницей и на ощупь подобрала нужный ключ, отворила палату. Колотящееся сердце в груди замерло. Разум его не верил глазам.

- Арина?! – С полными ужаса и печали в искрящихся от влаги глазах, вскрикнул Ларионов, ноги которого налились тяжестью и словно приросли к полу.

Прекрасная черноволосая нимфа, сидящая на больничной койке, подняла на него свои глубокие черные очи, что казалось, светились изнутри.

Как же она была хороша, даже краше, чем в первую их встречу: пухлые губки очерчены ярко красной помадой, соблазнительно они изогнулись в улыбке, бледное, словно слоновая кость личико, обрамленное завитками черных упругих локонов, было так мило и свежо, что у Германа невольно покатились слеза, а глаза ее, окаймленные веером густых ресниц, так и сверкали счастьем и радостью, но, не взирая на сияние, что источала девичья красота, от нее самой исходил леденящий холод.

- Этого не может быть! – Произнес молодой мужчина, видя Арину живой в потрясающе красивом подвенечном платье, искрящемся от бисера.

- Герман! – Звенящим голоском, воскликнула она и шурша накрахмаленной тканью, поднялась со скрипучей койки. – Ты не рад мне, любовь моя?

- Ты же умерла?! Я лично положил цветы тебе в могилу. – Не веря своим глазам и, запинаясь из-за кома в горле, произнес молодой человек, но перед ее красотой и искушением ее любви он был бессилён.

- Я воскресла! Меня похоронили по ошибке, а я лишь спала все это время, но сейчас я пробудилась, и я ощущаю себя более живой, чем когда-либо. Мое сердце переполнено любовью к тебе, и я жалею, что раньше не сказала этого, - заявила она и, выставив руки впереди себя, приказала. – Подойди же ко мне, не бойся, я только поцелую тебя.

Соблазненный ее прекрасным личиком и сладкими речами, Герман поддался ее призыву и, против воли, по какому-то необъяснимому наваждению, сделал шаг на встречу.

За долю секунды, Арина исчезла со своего места и оказалась перед самым лицом Германа. Парень почувствовал прикосновение ее ледяных губ на своих. Теперь, когда на его языке остался солоноватый железистый вкус, он понял, что на ее губах вовсе была не помада, а настоящая кровь. Он мельком глянул на пол и увидел, что девушка не отбрасывала теней, т.к. в свете из коридора на полу палаты, перед ним была только его собственная тень и никакой больше. Он осознал, что перед ним то, что уже не является Ариной Ранкович: перед ним была вампирша, но он понял это слишком поздно...

Острые словно лезвии клыки носферату вонзились в вену на его шее, и он почувствовал эту пьянящую расслабляющую эйфорию вперемешку с возбуждением и счастьем, что медом разливались по его телу, обволакивая своей сладкой и липкой субстанцией. Вместе со стремительно иссякающей из его тела горячей кровью, молодой психиатр чувствовал, как его сердце наполняется жаром и любовью к этому ночному существу, которое некогда было Ариной Ранкович – его желанной и возлюбленной невестой, доставшейся другому.

Заступивший на утреннюю смену Перельман заметил вялость и бледность своего интерна.

- Неважно выглядите, голубчик. – Вместо приветствия, заключил главврач.

- Пустяки, - махнул рукой Герман, оправдываясь тем, что прошлая ночь выдалась тяжелой.

- Уверенны? Я мог бы вас осмотреть. – Сказал он, с подозрительным прищуром разглядывая залегшие сине-желтые круги под глазами юноши.

Ларионов заметно занервничал и прикрыв ладонью свою шею, потянул воротник еще выше и стал увильгивать от ответа.

- Да все хорошо, я просто устал немного.

Федор Иосифович, не раз наблюдавший схожее поведение у своей покойной крестницы, заподозрил неладное.

- А ну, что же вы там прячете, голубчик? – Задал он прямой неудобный вопрос.

Перельман, не дожидаясь ответа, своей сильной рукой попытался отвернуть ворот медицинского халата Германа, но он, укрывающий что-то на своей шее, стал сопротивляться. Тогда седой главврач применил силу и, зажав младшего сотрудника больницы в углу ординаторской, своей рукой заставил юношу оголить свою шею. Две глубокие свежие раны, открывшиеся глазам Перельмана, заставили его остолбенеть от негодования и отскочить от интерна, так словно бы он испугался паука или какой-либо мерзости.

- Я просто поранился, Федор Иосифович, так что не додумывайте ничего. Я же говорю, пустяки. – Поспешил оправдаться Ларионов, пытаясь скрыть укус за воротом халата.

- Ну конечно... - Задумчиво ответил профессор, чьи округленные глаза были полны ужаса и смятения. – Можете быть свободны, го-луб-чик.

Как только смена Германа закончилась, и кучер наемного экипажа умчал его прочь от психиатрической больницы, Перельман тут же спустился вниз к телефонному аппарату, висевшему на стене в вестибюле. Связавшись с аппаратной, он попросил соединить его с особняком Григория Дёмина и приятный женский голос на другом конце объекта технического прогресса, исполнил его просьбу в самой вежливой форме.

- Слушаю. – Строго отозвался бывший военный, взявший трубку после того, как его к телефонному коммутатору позвала прислуга.

- Григорий Осипович! Беда! Беда! – Прокричал в говоритель главврач психиатрической больницы.

- Что случилось, милейший? – Недоумевая спросил бывший полковник у своего собеседника, личность которого предварительно сообщила ему прислуга.

- Боюсь, что наш с вами горячо любимый друг пропадает! – Возбужденно сообщил Перельман.

- Что такое?

- Я говорю о Германе! Он стал жертвой вампира! – Вскрикнул профессор громко и тут же накрыл свой рот рукой, заставляя себя умолкнуть, но было уже поздно, старый сторож Филипп и некоторые сотрудники уже обратили на него свои любопытные взоры, поэтому ему пришлось продолжить в пол голоса. – Я сам видел укус на его шее, но он не признается, словно хочет скрыть того, кто это сделал.

- Вы уверены, милейший? – Поинтересовался мужчина с бакенбардами на другом конце связного аппарата, чувствуя, как в нем поднимается то самое предвкушение охоты, заставляющее старика пускаться на поиски приключений и наполняя его сердце духом авантюризма.

- Абсолютно! – Послышался зернистый голос из рубки.

- Тогда нам нужно спасти нашего юного друга, пока не стало совсем поздно. Наблюдайте за ним, а я найму больше людей для поиска вурдалака. В этот раз мы не должны упустить его!

На том мужчины и порешили, и вскоре закончили разговор, разойдясь каждый по своим делам.

Спустя пять дней, в психиатрическую больницу заехал Григорий Осипович Дёмин с новостями. Сидя в кабинете главврача, он сообщил Перельману, что нанятый им детектив отыскал в подворотнях бидонвиля того цыгана, служащего своему темному господину. Слежка за ним дала свои плоды и уже вскоре Дёмину стало известно о заброшенном фамильном склепе, который, по какой-то неведомой причине часто посещал Жан... Не трудно догадаться, чем заброшенная крипта, поросшая плющом, привлекала невежду: явно он наведывался туда не с целью насладиться художественными видами старинных могил, проглоченных лесом и мхом.

- И так, что вы планируете, любезнейший Григорий Осипович? – Выслушав Дёмина, вопрошал Перельман.

- Я собрал команду из семи лучших охотников и следопытов, если вы и Ранкович готовы присоединиться к охоте, то, нас будет уже одиннадцать. Хм, - задумался отставной офицер и выдал в слух, - одиннадцать доблестных воинов на стороне добра, чтобы убить вампира - это даже звучит поэтично...

Перельман долго не думал, он решительно кивнул головой скорее по инерции, чем от храбрости и лишь потом подумал о прошлых ужасах, которые окрасили его огненную шевелюру в серебро. Неосознанно психиатр пригладил свои волосы, что торчали из-под шапочки и попытался мысленно уговорить себя спасти своего протеже.

- Ради нашего Германа, этого искреннего и светлого человека, я готов рискнуть! Если это спасет его, то я с вами! - Доблестно заявил главврач, протягивая своему визави руку для рукопожатия.

Бывший военный любил смелых и решительных людей, как он сам, поэтому с чувством гордости сжал огромную ладонь своего нового приятеля.

- Несомненно. – Кивнул в ответ Дёмин, предполагая, что другого ответа он и не ожидал.

Немного поговорив о насущном и договорившись о деталях операции, полковник в отставке поднялся со стула и, прощаясь с Перельманом за руку, добавил:

- Тогда сегодня ровно в полдень, я буду ждать вас у старого заброшенного кладбища, что находится выше по улице Ямской, в самом ее конце. Прихватите с собой какой-нибудь оберег и озаботьтесь о оружии. Я со своими людьми встретим вас у кладбищенских ворот. Если в оговоренное время вас не будет, то не волнуйтесь, никто не назовет вас трусом.

- Я обязательно буду! – Нахмурившись, выпалил главврач психиатрической больницы, когда провожал своего знакомого за дверь кабинета.

Федор Иосифович понимал, что Дёмин своей последней фразой, устроил ему некую проверку на прочность, дабы убедиться в том, что протектор мальчика Ларионова не передумал и не отступится от своих слов. Главврач психиатрической больницы не мог нарушить данной клятвы старому вояке, ведь это запятнало бы его честь, и, как бы ему не было страшно, хочешь - не хочешь, а идти на дело он был вынужден, ведь это был единственный способ помочь неоперившемуся мальчишке, что стал для него больше, чем просто учеником... он стал для него сыном.

Дабы не посрамить себя и свой род, ближе к обеду, Перельман отставил свои дела и, укутанный в пальто до пола и в черной шляпе, вышел за пределы больницы. На проезжей части он поймал первый же свободный экипаж и отправился в назначенное место.

Погода не была пасмурной, хоть на небе и проплывали тучные, словно коровы из детского рисунка, облака. Их лилово-свинцовый оттенок и морозный пощипывающий ноздри воздух намекали на скорый приход снегов и дарили настроению легкую грусть о увядающей осени и жалость от того, что теплые деньки уже закончились и впереди долгие месяцы холода и серости будней.

Экипаж Перельмана прибыл к воротам старого кладбища ровно в полдень. К этому времени подоспел и его друг - Назар Ранкович.

Сошедший с порога своего личного экипажа, богатый промышленник был взвинчен и озадачен.

- Это какое-то безумие! – Возмущался он пряча под котелком свою лысеющую голову.

Федор Иосифович поприветствовал старого приятеля крепким мужским объятием и попытался его успокоить.

- Терпение, мой друг, и вскоре ты увидишь все собственными глазами. - Сказал психиатр, сопровождая товарища к кладбищенским скрипучим воротам, сплошь состоящим из ржавчины, что сквозь нее не было видно ни кусочка чугуна. - Я тоже долго не мог поверить,

но то, что за гранью нашего понимания - существует на самом деле. И, сегодня, ты можешь прикоснуться к этому явлению и убедиться сам, так сказать, воочию.

Ранкович, привыкший видеть только финансовые возможности и веривший лишь в силу капитала, не мог смириться с тем, что ему навязывали существования сверхъестественного, но, он был так зол на судьбу и жаждал мщения за отнятую кровиночку, что ему было плевать, чью голову ему придется рубить: вампира или какого-либо другого чудовища, главное, что эта сволочь заплатится за смерть его дочери и осквернение ее могилы.

Тремя неделями ранее Григорий Осипович Дёмин вместе с Перельманом посвятили безутешного отца в тайны бытия и смерти его возлюбленного дитя. Естественно, рьяный реалист не поверил ни единому слову безумцев, настаивающих на эксгумацию тела покойной, но чтобы доказать, что его дочь не является никаким исчадьем Ада и не пытается убить своих близких, он дал свое согласие на вскрытие ее могилы. Сделал он это только для того, чтобы навсегда закрыть эту тему, разрывающую его отцовское сердце на части, а так же он хотел показать своей жене, что дочь их мертва и находится в земле, в могиле...

Жена его - Софья Алексеевна утверждала обратное и слепо верила в то, что с ними произошло чудо, и их кровиночка, из-за святости своей чистой и невинной души, подобно Христу, воскресла и вознеслась на небо, а по ночам спускается с небес в образе ангела.

Бизнесмен, озабоченный душевным состоянием супруги, не желал потерять еще и ее. Он считал, что все слуховые галлюцинации и видения Софьи, лишь выдумки ее больной фантазии из-за траура по дочери. Но, в разрез здравому смыслу, всегда расчетливая и рассудительная жена клялась, что слышит голос Ариночки, зовущий ее по ночам и видит, как она в подвенечном платье качается на качелях в саду, куда выходят окна ее спальни.

Этот инцидент можно было оставить без внимания, но вот некоторые слуги утверждали, что так же видели Арину, разгуливающей глубокой ночью по территории поместья или танцующую и поющую в саду. К тому же, со слухами о приведении в подвенечном платье, участился падеж скота и лошадей от неизвестной болезни и увеличилась смертность от анемии среди детей работников, что жили на территории многогектарного поместья Ранковичей. А наемдни, камеристка его жены - Настасья, напуганная до смерти, лично просила Назара Борисовича привезти из церкви батюшку Никодима для освящения особняка и изгнания неупокоенной души, что мучает всех жителей его земель. Ее поддержали остальные слуги и наемные работники, потерявшие своих детей. Они отказывались работать и, в крайнем случае, грозились уволиться и съехать из поместья.

Под давлением обстоятельств, предпринимателю пришлось подчиниться и эксгумировать тело дочери, но вот когда из могилы на поверхность подняли гроб и вскрыли крышку, тела Арины в нем не оказалось. Эта загадка много дней не давала покоя родителям преставившейся красавицы, а прокатившийся среди работников новость о пропавшей покойнице, заставила многих покинуть свои рабочие места и жилища. А вот Софья Алексеевна Ранкович, назвала исчезновение тела божьим доказательством чуда и уверовала, что дочь ее воскресший ангел еще пуще прежнего. Женщина ждала скорого возвращения домой своей дочери и оставляла окно в комнате Арины открытым, что повлекло новые волнения среди немногочисленной оставшейся прислуги.

Сам же Назар Борисович не верил в подобную религиозную чушь и был уже на грани нервного срыва из-за многочисленных потрясений, постигших его семью и поместье. Безутешный отец, державшийся из последних сил считал, что тело его прекрасного дитя было украдено злоумышленником и собирался сделать все, чтобы найти и наказать осквернителя могилы.

Дёмин не обманул и ровно в полдень он, в окружении наемных им охотников и следопытов, вместе со своим помощником Аркадием, вышел из ворот со стороны кладбища, дабы встретить остальных членов своей доблестной команды.

- Будьте как можно тише и ступайте строго за нами без лишнего шума. У вампиров весьма отменный слух, к тому же цыган находится в крипте и ничего не подозревает. Если будем осторожны, есть шанс убить двух зайцев одновременно. – Предупредил шепотом статный старик с бакенбардами, после того, как поприветствовал своих знакомых.

Мужчины гуськом, друг за другом вошли на территорию заброшенного кладбища, где, огибая наполовину поглощенные землей и плющом покосившиеся могилы, они пробирались в глубь леса, туда, где в зарослях и меж оголенных стволов деревьев, виднелись крыши давно забытых склепов и крестов. Осторожно ступая шаг в шаг за охотниками по мягкой, устланной гниющими листьями тропе, Перельман и Ранкович ощущали ответственность и при этом сюрреализм ситуации, т.к. им было трудно поверить в то, что они идут охотиться на настоящего вампира. Назаром Борисовичем же руководило желание узнать, кто же мог выкрасть тело несчастной Арины, и, преисполненный праведным гневом, он всем сердцем желал возмездия обидчику, и хотел ему нанести такую же рану, соразмерно его боли.

Весь отряд из одиннадцати смелых и доблестных мужчин, объединенные одной целью, приблизились к нужному склепу, который трудно было найти из-за порослей, опутавших каменное строение, но стоящие у входа двое охотников, кивнули, что это именно тот склеп который нужен, и жестами указали себе под ноги, показывая на утоптанную траву и обломанные лианы плюща, некогда оплетавшие витые чугунные ворота изгороди, что слегка покосились от времени и были слегка приоткрыты.

Дёмин осторожно вынул свою саблю и кивнул остальным, готовый войти во мрак крипты. Наемные мужчины зажгли свои керосиновые фонари и первыми, осторожно минув оборванные цепи на воротах, проникли в лохматый от мха склеп.

Небольшая комнатка без окон осветилась фонарями, разгоняя тень. В этой пустой погребальной зале не было ничего примечательного, кроме ваз для цветов. Ни ниш для гробов, ни каменных саркофагов не было видно, но в центре нее была лестница, ведущая под пол склепа. Мужчины с фонарями и ружьями спустились в ляду, а следом за ними шли остальные, ступая осторожно и пригибаясь от корней деревьев, за годы проросших в подвал и опоясавших стены.

Освещенная желтоватым светом крипта, явила перед группой мужчин, оплетенные паутиной и пробившимися из стен корнями деревьев, каменные прямоугольные саркофаги в количестве шестнадцати штук. Некоторые из них были аккуратно помещены в ниши, состоящие из двух этажей, другие же свалены на пол и разбиты. Но среди всего этого хаоса застарелой погребальни, одна усыпальница, стоящая отдельно, разительно отличался от остальных. Отполированные до блеска плиты на ней были больше и толще. Рельефный рисунок со сложным переплетенным орнаментом, что украшал грани глиптического шедевра, был краше и аккуратней, да и само изваяние выглядело гораздо древнее и ухоженнее. Не одной крупницы пыли не было на его крышке, когда другие каменные гробницы, были устланы толстым слоем грязи и пыли, не тронутой за столетия.

В этой могильной тишине, в которой было слышно только биение взволнованных сердец, послышался храп, а в затхлом воздухе и холодящем запахе тлена почувствовался перегар, смешанный с аммиаком. Не трудно было догадаться от кого шло зловоние и храп, ведь из-за, стоящего в центре нового саркофага, выглядывали чьи-то ноги в засаленных красных штанах и дырявых сапогах.

Осторожно охотник протянул фонарь к спящему человеку и все увидели, что это был очень заросший и грязный цыган, больше похожий на домового барабашку из рассказов деревенских стариков. Он спал на полу, принявший очень неудобную позу, так как спиной он опирался о саркофаг и создавал видимость скрючившегося животного. Укутавшись в дырявую фуфайку, Жан лежал в обнимку с пустой бутылкой и выпяченные губы касались ее горлышка. Издали цыган напоминал смердящую бродячую собаку, черная шерсть которой свалилась в колтуны.

Вид неряшливого забулдыги на ряду с его запахом, заставил благородных джентльменов воротить носы с видом брезгливости на их лицах.

Действуя тихо и без лишней суеты, двое следопытов, что на протяжении последней недели следили за Жаном, зажав свои носы, окружили пьянчугу и приставили к его лицу ствол ружья.

- Поднимайся, пес! – Гаркнул на него охотник, пытаясь разбудить пьяницу хорошим пинком под зад.

Цыган скривился и не открывая глаз перекатился на другой бок. Он был так пьян, что его не поднял бы и пушечный залп, поэтому другие члены группы, не видя в пропойце угрозу, преступили к основному делу, собственно с которым и пришли сюда. Двое же следопытов накрепко связали веревкой зловонного мужичка и оттащили его к ступеням и бросили у стены, чтобы тот не мешался им во время охоты на главного злодея.

Одними глазами Дёмин дал указания сдвинуть верхнюю плиту саркофага и четверо мужчин, вооружившись ломом, приступили к вскрытию гробницы, пока Перельман и Ранкович внимательно наблюдали за их действиями. Сам полковник в это время вынул саблю из ножен и приготовился к удару.

Могильная плита была весьма тяжелой, что и четверо мужчин с трудом могли ее сдвинуть, поэтому главврачу психиатрической больницы и его другу пришлось им подсобить. И, когда мужчины поднатужились для толчка, в подвале раздался юношеский голос.

- Нет! Не смейте! Не делайте этого!

Все участники обернулись на залитую слабым светом каменную лестницу, по которой спускался Герман Ларионов в крайне возбужденном состоянии.

Молодой мужчина в длинном плаще держал в одной своей трясущейся руке револьвер, другой оперлся о стену.

- Герман? Мальчик мой, что ты здесь делаешь и откуда ты узнал про это место? – Отозвался Дёмин, не понимая, как юноше удалось их отыскать.

- Я пришел, чтобы не допустить святотатства! Арина взывала ко мне и умоляла спасти ее. Она же и указала мне это место. – Ларионов направил ствол револьвера в группу мужчин и чуть не плача, бледный и измученный, добавил. – Один раз я не смог этого сделать, но больше я не допущу подобной ошибки и спасу ее... - Всклипывая, выдавил он. - Прошу вас, отойдите от гроба, оставьте нас с Ариной в покое... Я не хочу этого делать, но если кто-либо шевельнется, я пристрелю его на месте.

Слова юноши звучали неубедительно: голос его дрожал так же, как и руки, а он постоянно вытирал испарину со лба.

- Это ты украл тело моей дочери, безумец? – С яростью в голосе, спросил Ранкович, хмурия брови и скрипя зубами от того, что находился под прицелом оружия и не мог наказать своего обидчика.

Герман, с выражением отчаяния на своем бледном исхудавшем лице, отрицательно pokrutil головой.

- Я не делал этого, Назар Борисович. Поверите ли вы мне или нет, но я, наоборот, хочу спасти ее. А теперь отойдите от саркофага. – Приказал он смелее, размахивая дулом в воздухе.

Юноша стал медленно спускаться по ступеням вниз не опуская револьвера и совсем не увидел, что трое мужчин были в непосредственной близости от него. Он не знал этого, но двое из троих притаились, выжидая подходящий момент для того, чтоб напасть, пока третий был связан и мертвецки пьяным.

Как только трясущее дуло выглянула из-за угла двое опытных охотника набросились на молодого человека и, попытались выбить из его рук револьвер, из-за чего дрогнувший палец перепуганного Ларионова нажал на курок и произошел выстрел. В последствии одиночного

выпала пуля слегка задела одного из охотников, что пытался скрутить мальчика, навалившись на него спереди.

Выстрел заставил пьянчугу проснуться, но из-за высокой степени опьянения Жан все равно не мог ничего понять и лишь мычал в стороне, шевелясь подобно гусенице и глядя на всех затуманенным и не соображающим взглядом.

Попытка нападавших увенчалась успехом, и вскоре молодой психиатр был лишен оружия и скручен охотниками с обеих сторон.

- Нет! – Кричал Ларионов, сплевывая свою кровь из-за раны во рту, которую он получил в этой неравной борьбе. – Вы ее погубите!

- Скорее всего мы спасем ее душу, мой мальчик. – Ответил ему Дёмин, бесстрастно приказывая своим наемникам крепко держать юношу.

Бывший военный со своей командой вернулись к тому месту, на котором их прервали, ведь мужчинам следовало поторопиться и завершить все до темноты, которая в конце осени наступала рано.

- Нужно торопиться, иначе мы не справимся с вампиром! С темнотой силы его возрастут, и он может снова скрыться. – Подгонял Григорий Осипович охотников, орудующих ломом.

Мужчины поднаторели и общими усилиями плита была сдвинута на половину от изголовья.

Все напряженные участники процессии замерли и, кажется, перестали дышать.

Внутри саркофага, на белых шелковых подушках с рюшами, прижимаясь друг к другу, словно счастливые молодожены, лежали два бледных тела: статный мужчина приятной наружности с аристократическими чертами лица и темноволосая красавица Арина Ранкович, чьи щеки были румяны, а губы красны от крови.

Оба тела были абсолютно неподвижны, как и положено трупам, подверженным трупному окоченению, но румянец на их щеках многое мог поведать охотнику, а именно, что вампиры сыты, а значит полны сил для сражения.

Назар Борисович Ранкович тут же перекрестился. Отправляясь на миссию возмездия, он никак не ожидал увидеть дочь в объятиях незнакомого мужчины, что так крепко прижимал ее к своей груди.

- Доченька. – Всклипнул безутешный отец, теряя самообладание и протягивая руки к телу своей покойной наследницы.

- Нет! Арина, к сожалению, мертва. Смиритесь! – Остановил его Дёмин и тут же продолжил более доходчивым тоном. – Это уже не ваша дочь, а вампир! Это ее видела ваша жена! Если мы не упокоим ее душу, она так и будет являться ей, пока не замучает до смерти, а после и вас.

Увидев, как юная красавица находится в объятиях другого, Герман не смог сопротивляться слезам. Всклипывая, он обратился к несостоявшемуся тестю:

- Назар Борисович, хоть вы то, не губите ее? Посмотрите только, как она прекрасна, - с умилением проговорил замороженный юноша, глотая ревность.

- Не будьте глупцом, голубчик! – Вступил в диалог Перельман в своей жесткой манере. – Ваша любимая мертва и пришло время ее отпустить!

- Да, пусть так, но я прошу, не губите ради всего святого! Даже если она больше не принадлежит этому миру, а ее сердце принадлежит другому, я все равно хочу, чтобы она была счастлива. Раз они выбрали друг друга в вечности, то оставьте их в покое! – Срываясь на плачь, выкрикнул Герман, коего одолели эмоции, разрывавшие его сердце от обиды и боли.

- Уверю тебя, мой мальчик, они обретут покой, и мы подарим им это! – Вмешался Дёмин и обратился к остальным. – Ну все, пора кончать с этим! Убьем вампира и вампишу и избавим мир от скверны.

Мужчины быстро вынули осиновые колья и молотки из-за пазухи. Как только один из них прицелился к груди вурдалака, глаза кровопийцы, пылающие алым огнем, моментально открылись и рот его, сверкая острыми, как углы зубами, исторг оглушающий рев, напугав бывалых охотников и заставив их колени дрожать.

- Сопротивляется гад, но ему не выйти из могилы до темноты! – Вскрикнул Дёмин, призывая наемников поторопиться и пригвоздить исчадь к каменному гробу.

Два охотника, что удерживали, рвущегося Ларионова, желающего помешать убийству Арины, окрикнули полковника.

- Господин, свет меркнет! Кажется, погода ухудшается.

Григорий Осипович, осознавший, что спящий вампир по-прежнему силен днем и пытается спасти себя и свою возлюбленную, вскричал:

- Быстрее, иначе все мы здесь трупы!

Приказ отставного офицера подействовал, как нельзя лучше и заставил трясущихся, словно котята мужчин, действовать решительнее, ведь ничто так не мотивирует, как угроза собственной жизни.

Охотник больше от страха, чем от смелости, все же стукнул молотком по тупой части колышка и острее легко вошло в сердце вурдалака, пронзив его насквозь и уперлось в самое дно саркофага. Холодная алая кровь брызнула из раны, окропив своих убийц.

Вампир взвыл зловещим возгласом, словно некое ужасное чудовище, при этом максимально широко открыв свою пасть и клацая клыками подобно дикому зверю в предсмертной агонии. В месте с потоком утекающей крови, силы его тоже стали покидать тело. Упырь принял позу покойного и смиренно сложил свои необычайно длинные пальцы на груди. Вся его кожа мгновенно почернела, а в глазах его, медленно смыкающихся, угасал адский огонь.

- Он мертв? – Спросил тот самый мужчина, заколовший вурдалака, стирая рукавом кровь убиенного со своего лица.

- Нет, он все еще жив. – Ответил Дёмин и замахнувшись наточенной саблей, добавил. – Теперь мой выход!

Полковник занял удобную позицию у саркофага и приготовился нанести бестии удар и отсечь голову, но он не учел резких перемен в погодных условиях, что вызвал все еще могущественный живой мертвец.

Над кладбищем моментально образовались черные тучи и заволокли густой тенью все вокруг, а внезапно возникший ветер, словно избалованный ребенок, игрался с железными воротами склепа, желая выдернуть их совсем.

Отвлекаясь на звук скрипучей калитки, похожий на жалобный плач младенца, Григорий Осипович замешкался и в этот момент, когда огромная тень накрыла собой кладбище, из гроба выпрыгнула Арина и взлетела к потолку, приклеившись к нему руками и ногами, как муха. Вампириша угрожающе зашипела, своими жуткими звуками вызвав мороз по коже у побеспокоивших ее сон людей.

Назар Борисович, выдавший всякое за свою жизнь, но и не подозревавший, что мир его не такой, как ему представлялся, побледнел как полотно. Он попятился назад и перекрещиваясь, стал шептать те псалмы, которые он помнил из воскресных служб, но как оказалось, страх лишил большей части его памяти, поэтому он шептал лишь всплывшие в памяти отрывки из святого писания прерывистым и сиплым голосом, который казался ему совершенно чужим.

Размахивая саблей и пытаясь ранить вампиришу, Дёмин приказал:

- Не подпускайте ее к вурдалаку, она может вытащить кол из его груди!

Мужчины, теснее обступили могилу с мумифицированным покойником, а шокированный отец продолжал молиться в слух, чем сильнее разозлил ту, что когда-то была его доброй дочуркой.

Вампирша услышав имя Господа и увидев раздражающее ее христианские обереги, еще грознее зашипела и на карачках, шурша платьем, поползла по потолку к выходу.

- Не дайте ей уйти! – Верещал Дёмин, следуя за адской тварью. – Окропите выход святой водой.

Двое, что стояли у самой лестницы и придерживали молодого психиатра, желавшего испортить им охоту, полезли в карманы за сосудами и сделали то, что приказал им наниматель. Герман воспользовался этой возможностью и, как только, хватка удерживающая его ослабла, он вырвался на свободу.

- Арина, я здесь! Иди ко мне. – Крикнул юнец и впопыхах стал рвать на себе ворот рубахи, чтобы оголить свою шею.

В разные стороны полетели белые пуговицы и рассыпались по полу.

Освободившись от воротника, влюбленный глупец расставил руки в стороны, приглашая возлюбленную на пир.

Дёмин догадался, что замороженный вампиршей парень хочет сделать и попытался не дать ему свершить задуманное. Но, как только он отвлекся на Ларионова на долю секунды, полковник в отставке потерял объект своего преследования, а когда обнаружил, то было уже поздно.

Вампирша на мгновение появилась у керосинового фонаря и, одарив мужчин зловещей улыбкой, дунула в лампу, затушив ее, а затем, в долю секунды очутилась у второй и повторила свой трюк.

Источники света погасли и подвал склепа погрузился в кромешную зловещую тьму.

В этом могильном мраке склепа, один за другим вскрикивали и исчезали мужчины, теряя свои обереги. Воцарился настоящий хаос.

- Кто-нибудь зажгите уже эти лампы! – Крикнул бывший военачальник, пытаясь перекричать залихватистый смех вампирши и истошные крики его подчиненных, от которых кровь стыла в венах.

Григорий Осипович энергично размахивал своей саблей в воздухе.

В этой тьме было четко слышно пение острия, разрезающего плотный воздух крипты.

Перельман, единственный, не поддавшийся всеобщей панике, полез в карман своего пальто за спичками, которые всегда носил на всякий случай и для которого наступил самый подходящий момент.

Нашупав во тьме лампу, что стояла на сдвинутой каменной плите, мужчина трясущимися руками поджег фитиль лишь со второй попытки.

Свет фонаря немного осветил пространство Григорию Осиповичу и как раз вовремя, т.к. перед самым его лицом, с потолка прыгнула Арина, спустившаяся, чтобы убить его следующим.

Вовремя заметивший опасность, бывший вояка среагировал молниеносно и резанул саблей по воздуху перед собой.

Вампирша зашипела, а в следующее мгновение ее глаза, горящие во тьме, как два рубина, округлились. Белоснежный ворот ее платья моментально пропитался кровью, а после с плеч покойницы упала голова. Следом за красивой девичьей головкой на пол повалилось и ее туловище.

Одержавший победу над вампиршей полковник, почувствовавший возбуждение и азарт от победы, больше не боялся. Он вернулся к гробнице и проделал тоже, что и в случае с Ариной – обезглавил упыря.

Вскоре в каменном гробу лежали два обезглавленных тела, больше напоминавшие прекрасные поломанные статуи.

Уставший от битвы победитель над нечестью, отдал приказ сжечь тела, и Перельман без лишних вопросов и колебаний исполнил приказ с помощью содержимого лампы и спичек.

Огонь моментально объял мертвых влюбленных, подарив им истинный покой и в этом огне, вместе с потрескиванием и шипением горящих тканей был слышен далекий стон монстров.

Завершив свою миссию и исполнив долг, Перельман и Дёмин позаботились о выживших, которых и так было не много: Жану повезло больше всех, ведь все самое страшное он проспал, Ранкович тоже легко отделался, т.к. из всех возможных травм он получил всего лишь ушибы от того, что хлопнулся в обморок, когда погасли лампы. Счастливчик Герман тоже был жив, но он потерял много крови, т.к. вампириша устроившая хаос успела его укусить. Многим наемникам повезло куда меньше: двоих нашли с переломанными шеями, один скончался от удара головой о могильную плиту, остальные же отделались сильными переломами, ушибами и испугом, но к счастью они были живы.

Эпилог.

Спустя год после этого случая английскому аристократу в его поместье доставили очень необычную посылку, состоящую из двух ящиков и письма. В последнем говорилось, что это дар от его русского друга для пополнения его коллекции и описания, собственно, как не легко достались в трофеи эти реликты.

Вскрыв ящики, Томас Теодор Меррилин обнаружил, что в них лежали два обугленных клыкастых черепа: один был побольше и соответственно принадлежал мужчине, а другой аккуратный поменьше – был женским.

Вскоре, предприимчивый аристократ поместил эти черепа в деревянные ящички со стеклянными дверцами и возил по стране, демонстрируя публике чудесные диковины вместе с другими реликтами из своей необычной коллекции. Но, к сожалению, правящая элита, опасаясь огласки и волнений в народе, оболгала искателя приключений и назвав его лжецом и мошенником, запретила коллекционеру выставлять свои экспозиции. Успешный бизнесмен и самопровозглашенный исследователь был раздавлен критикой и непониманием со стороны общественности, и поэтому был вынужден спрятать свою коллекцию подальше от глаз, в подвалах своего поместья, где она находилась до 1960 года, пока ее не обнаружили строители уже в стенах заброшенного особняка. Сам хозяин таинственным образом исчез и о его дальнейшей судьбе ничего не известно.

Судьба же других свидетелей тех злополучных событий была менее таинственной и более прагматичной – все они добились определенного успеха и умерли в глубокой старости, в окружении своих родных и друзей, так больше и не повстречав что-либо сверхъестественное, но хранившие в памяти лишь один страшный эпизод своей жизни, связавший их общей тайной.

История вторая

Шепот пещер

Октябрь 1941г. Вторая мировая война. Восточный фронт. Где-то у леса, между двух деревень.

С полудня и до самой ночи шел несмолкающий ливень, и похоже он не собирался прекращаться. Серой пеленой он перекрывал обзор, делая все предметы вокруг плохо различимыми и смывая все краски окружающего мира в одно сплошное серое месиво.

Холодные капли дождя разбивались о шлемы и брызгами разлетались в стороны, пропитывая насквозь военные шинели.

Коренастый с суровым морщинистым лицом командир пехоты стоял под дождем с накинутым по самую фуражку брезентовым плащом и следил за процессом, пока его солдаты, вместе с сержантом рыли траншеи. Не на минуту, этот среднего роста, сорока семи лет мужчина, не покидал свой отряд и разделял все тяготы воинской жизни со своими солдатами.

- Торопитесь, недоноски, пока вас на вечный сон не уложили немецкие пули! – Зычно подбадривал он своих подчиненных, погоняя их в спины.

Скверный характер Ивана Семеновича Косыгина соответствовал его внешности: суровый, с вечно надвинутыми на глаза густыми бровями, очень отчетливо говорящими о его настроенном настроении, с желтыми от табака усами, густыми как обувная растрепанная щетка, часто вздымающимися к самому носу и с сильными руками на крепком теле - он производил впечатление сильной сердитой и беспощадной личности, что являлось истинной правдой. Только такой человек с железным характером и сильной волей, мог идти вперед, когда остальные отступали. Казалось, капитан второй стрелковой дивизии не знал ни страха, ни упрека, и поэтому он обзавелся дурной славой среди высшего офицерского состава, за что и был сослан в самую гущу событий, а все потому, что не мог держать язык за зубами и часто высказывал начальству все, что он думает.

Солдаты несмотря на ужасную погоду, стояли по пояс в земле и энергично орудовали лопатами углубляя окоп, не обращая внимание на мозоли, усталость, холод и боли в спине. Они бы рады были пожаловаться об этом своему командиру, но только он был глух к их стонам и мольбам. Черствый и суровый вояка не щадил никого, а в первую очередь себя, потому как знал, что жалость - это худший враг в этих нечеловеческих условиях. Стоит только проявить к кому либо сострадание, как эта черта автоматически становилась слабостью и вредила обоим: ему и тому, кому сопереживал опытный офицер. По этой причине, командир, подобно злому псу, готовому сорваться с цепи, обращался со своими подчиненными, коими были еще неокрепшие зеленые юнцы, ведь только так они смогут выжить в этой кровопролитной жестокой войне.

Все эти новобранцы были похожи на вымокших худых крысенышей, только вчера оторванных от мамкиной груди. Многие из молоденьких ребят были рады оказаться в другом месте, но эта мерзкая стерва – война выгнала из дома этих неоперившихся желторотиков, всучила им оружие в их трясущиеся руки и заставила стрелять в таких же, похожих на них парней, отличающихся только фасоном одежды и ее цветом.

Уже три часа измученные и голодные бедняги рыли чертовы траншеи под шум дождя и язвительные подбадривания своего капитана, молясь о том, чтобы немецкие войска не застали их врасплох и не отправили на тот свет раньше срока.

- Почему перестал копать, рядовой? – Приказным и недовольным тоном, спросил командир, выплюнув спичку изо рта, которую только что гонял с одного края губ, к другому.

- Тут что-то твердое? – Ответил паренек, постукивая наконечником саперной лопаты по каменной плите.

- Так убери чертов камень и продолжай копать! – Рыкнул грубо командир, вынужденный торопить молодежь, чтобы успеть выполнить приказ главнокомандующего точно в срок.

- Товарищ капитан, но тут что-то большое. – Нерешительно объяснил новобранец, боясь получить порцию колкостей в свой адрес от матерого вояки.

- Твою за ногу! – Сплюнул Косыгин и, закрываясь от дождя, отпихнул паренька, чтобы взглянуть на причину остановки. – Ну, рядовой Мартынов, если это окажется ерундой, ты у меня без отдыха рыть будешь! - Предупредил он.

Мужчина с усами выхватил фонарь у стоящего рядом солдата и приблизил его, чтобы разглядеть виднеющуюся из-под грязи ровную плиту с неизвестными иероглифами.

Находка показалась куда более важной, чем рытье окопов, поэтому капитан выделил еще несколько человек в помощь Мартынову, чтобы они помогли скорее выкопать клад, как ему показалось.

Спустя полтора часа грязные словно свиньи, вывалившиеся в грязь, троим солдатам удалось откапать большого размера каменный саркофаг.

Предполагая, что внутри каменного ящика находятся сокровища, Косыгин, шевеля своими густыми усами, ждал его раскрытия с нетерпением, но как оказалось, крышка была неподъемной, что еще больше интриговало вояк и распаляло их воображение.

Дождь к этому времени уже прошел и капитану второй стрелковой дивизии, чтобы узнать, что же находится внутри, пришлось прибегнуть даже к военной технике, иначе открыть гробницу не получалось.

Гранитная крышка долго не поддавалась лому, т.к. зазоров между ней и нижней частью почти не было, но в конечном итоге, пробуксовывающий трехтонный ЗИС-5, зарывающийся колесами в грязь, смог сдвинуть тяжелую плиту, обнажая густую тьму, скрывающуюся под ней.

- А ну-ка, посвети. – Приказал Косыгин старшему сержанту, подкрепляя приказ жестом, и сам заинтригованно наклонился над саркофагом, держа папиросу в зубах.

Свет лампы осветил темную жидкость, что по самую крышку заполняла саркофаг, по консистенции и запаху, напоминающую машинное масло и это заставило командира потушить окурок от греха подальше. Не увидев ни золота, ни серебра капитан немного огорчился, но он не бросал попыток отыскать что-либо ценное.

Не нужно было быть экспертом, чтобы сообразить, что находка была весьма древней, ведь это можно было понять по аккуратным каракулям неизвестного языка. Даже сам Косыгин в силу своего опыта и возраста понимал, что эти иероглифы не принадлежат ни одному ныне существующему языку, а значит находка имела не только материальную, но и историческую ценность.

- Вычерпайте всю эту жижу, посмотрим, что за подарок для нас приготовили предки. – Со смурной улыбкой приказал командир, в глазах которого возгорался энтузиазм и жажда наживы.

Захваченные интересом солдатики, позабыв о своей усталости, принялись своими шлемами вычерпывать черную жижу.

Не прошло и минуты, как один солдат, побелев от страха резко отстранился от саркофага и, стал молиться, перекрещиваясь и целуя свой нательный крестик. Остальные рядовые тоже последовали его примеру, отшвыривая свои испачканные в неизвестной субстанции каски.

- Что там? – Озадаченно спросил капитан и подсветил лампой то, что находилось внутри каменной усыпальницы, но и сам отшатнулся, не сдержав при этом мата.

Внутри, там, где жидкость отступила, показалось что-то, что напоминало перекрученный змеиный хвост, но судя по чешуйкам и толщине, размер рептилии должен был быть просто огромным, но загвоздка была в том, что змеиная голова имела странные черты, схожие больше с человеком, а не змеей.

Лицо этого сине-серого мертвого существа было слегка вытянутым к нижней челюсти, а нос был слишком плоским. Губ не было совсем, а вот рот был похож на изогнутую с краев длинную расщелину из-под которой выглядывали заостренные зубы с двумя очень длинными загнутыми клыками. На голове существа были черные волосы. Кроме этого, существо имело человеческие руки, но с длинными темными когтями и такое же обычное тело, как у человека до бедер, которые уходили в длинный змеиный хвост, коим и было прикрыто существо.

- Матерь божья! – Сквозь усы буркнул Косыгин, потянувшись рукой к своему лицу, чтобы перекреститься, но между стенками змеиного тела увидел что-то блестящее. – Наверняка эта тварь уже мертвая, так что продолжайте выполнять приказ. – Грозно буркнул он на бледных перепуганных ребят.

Никто из новобранцев, обступивших каменный саркофаг, не хотел и близко приближаться к необычной находке. Будучи суеверными, солдаты посчитали, что это дурной знак и возможно, боялись навлечь на себя проклятие мертвеца за то, что осквернили захоронение.

- Вы что не поняли? – Сердился капитан второй стрелковой дивизии, схватив за ворот Мартынова. – Сейчас же приступайте или я расстреляю вас за невыполнение приказа!

Мертвое существо пугало ребят, но командира они боялись больше, ведь видели его в гневе и знали, что Косыгин слов на ветер не бросает, об этом говорил перебитый нос старшего сержанта, осмелившегося перечить ему.

Трясушимися руками и с молитвами: «Господи, помилуй», и, «спаси и сохрани», молодой преступил к работе.

Где-то в двух километрах от лагеря, где дивизионные минеры заминировали поле противотанковыми минами, послышались взрывы, а после и автоматные очереди.

Лагерь сразу оживился: связист, получивший с опозданием радиogramму, подбежал к Ивану Семеновичу, выкрикивая «идут! Идут! Немцы наступают!».

Косыгин сплюнул проклятие и тут же забил тревогу:

- Чего уставились, как беременные коровы? Хватайтесь за оружие и держим оборону! Выключите прожектора и занять позиции! – Гаркнул он своим зычным и громким голосом, заставляя своих подчиненных, увидевших ужасающую находку, выйти из ступора и, трясушимися руками потянуться к винтовкам и пулеметам.

Получив приказ, солдатики забегали, как тараканы по лагерю, прячась в окопах и блиндажах. Сам капитан, ухватился за автомат и тоже сиганул в траншею, позабыв о сокровищах, которые могли быть в его руках.

Все источники света были потушены, погружая лагерь в кромешную тьму. На мгновение все затихло, и солдаты замерли, сфокусировав свое зрение на черном горизонте.

- Это все потому, что м-мы нашли то, что н-не должны были... Это на-наказание за хищение гробницы. Сегодня мы все здесь ум-мрем. – Дрожащим голосом проблеял плачущий и заикающийся Мартынов.

- Прекрати молоть чепуху и лучше свои проклятья оставь для врага. – Сквозь зубы процедил раздраженный старый вояка, видя, что слова Мартынова напугали остальных, чьи глаза, устремленные вдаль, выражали только ужас и тревогу.

Из темноты, со стороны лесополосы, желтыми тире со знакомым звуком, напоминающий трещотку, полетели вражеские пули и, выдирая клочья влажной земли перед окопами, обрушили грязевой дождь на вторую стрелковую дивизию.

Прозвучал приказ застигнутого врасплох Косыгина, призывающего своих подчиненных ответить врагу стрельбой и понеслись нескончаемые автоматные очереди и одиночные выстрелы из пушек...

К рассвету дождь прекратился, а лагерь заволокло студеной зловещей дымкой с запахом гари и пороха. В этой предрассветной тишине даже птицы не смели выдавать свое присутствие. Лагерь на несколько минут утопал в полнейшей тишине, пока в шаге от него это безмолвие и умиротворение не разбавилось немецкой речью, звуками техники и такой обыденной солдатской суетой.

От второй стрелковой дивизии в перестрелки с вражескими силами остались только клочья и залитая кровью земля. Предсказание рядового Мартынова сбылось или может он просто накаркал, но так или иначе, в этом бою с противником не выжил никто.

Немецкий отряд, отвоевавший стратегическую точку с большими потерями, уносили все, что уцелело у побежденной стороны. Очередь дошла и до лежащего на боку саркофага, который взрывом пушки перевернуло.

Он был пуст, а вокруг него была расплескана маслянистая черная жидкость.

Послышалась немецкая речь:

- Что русские могли хранить в этом ящике? – Спросил капитан Шульц у генерала, рассматривающего пустой саркофаг, сидя на корточках.

- Не думаю, что они перевозили в нем боеприпасы. Этот гранитный контейнер слишком тяжелый, чтобы таскать его с собой. Судя по грязным бокам и большой выемке в окопе, они выкопали его из земли. – Ответил седой сухопарый мужчина в черном кителе с погонами, на фуражке которого красовался немецкий железный орел.

- Может здесь они хранили какое-нибудь тайное оружие? – Предположил гладковыбритый моложавый мужчина, лицо которого выдавало в нем истинного арийца.

Его собеседник более высокого звания пожал плечами и вновь посмотрел на углубление в земле, откуда предположительно была добыта рака.

- Скорее всего русские наткнулись на каменный ящик случайно, когда рыли траншеи. Посмотрите туда, капитан Шульц. Видите? Противник даже не успел закончить работы, как был застигнут нами.

- К нашему великому везению! - Усмехнулся голубоглазый капитан.

- Это уж точно, - вторил ему генерал, радуясь про себя удачному стечению обстоятельств своей победы над врагом, но все же, что-то в его взгляде выдавало беспокойство.

Генерал, спрятанным в кожаные перчатки пальцем, провел по смазанным черной маслянистой жидкостью внутренним стенкам саркофага и понюхал его, а затем стал разглядывать иероглифы, высеченные на внешних стенах.

- Не знаю, что им удалось найти, но наверняка это было что-то ценное. – Прикинул генерал Эзельштейн и добавил, - прикажите отыскать то, что было внутри.

Целый час немцы искали хоть что-то, что выглядело необычным и по своим размерам могло уместиться в гранитный контейнер, но среди вещей и останков тел так и не нашли ничего, похожего на древность или оружие, а поэтому, сфотографировав таинственную находку, пехотное войско отправилось дальше на северо-восток, не заметив на грязи у себя под ногами, странный смазанный след, на котором отпечатались чешуйки.

В это, и без того трудное время, когда война поглотила страну, в одной сельской семье, которая еще не успела пострадать из-за ее последствий, перестала доиться корова. Озадаченные хозяева не понимали, что случилось с их кормилицей, ведь корова не голодала и была здорова на вид, но, некогда щедрая на молоко кормилица, перестала давать молоко вот уже, как три дня, и не подпускала хозяев к своему вымени для дойки.

- Придется ее зарезать. – Вынес вердикт Прохор Никитич – престарелый колхозник.

- А куда мясо денем? Ты сейчас его никому не продашь, ведь денег-то нет ни у кого. – Пробурчала его старая жена.

- А ты что предлагаешь делать, Маруся? С паршивой овцы хоть шерсти клок, а так: либо сдохнет скоро, либо немцы уведут. – Развел руками дед.

- Сплюнь, дурак ты старый. – Перекрестилась его набожная супруга, а после, повязав платок себе на голову, предложила. - Давай немного подождем, вдруг Пятнышко съела чего, а мы ее сейчас прирежем, мясо съедим, а дальше-то чаго? Не забывай, ведь теперь у нас Катенька на иждивении.

Прохор согласился с женой и кивнул, прислушавшись к ней. Его супруга хоть и была склочной бабой, но все же не глупой, к тому же она была права, ведь, если им двоим немного нужно было чтобы прокормиться, то с появлением осиротевшей из-за войны взрослой внучки, забот у них прибавилось.

Заботы эти были связаны с тем, что двадцатилетняя девчушка была хороша ликом, но не замужем и, хоть в селе мужчин по причине мобилизации было мало, все же девчушке проходу не давали пареньки из числа партизан, захаживавшие в дома селян, чтобы раздобыть еды или узнать какие дошли новости.

Стариков Кузьминых страшило то, что какой-нибудь бойкий партизан задурит девке голову или хуже того - завербует и уведет с собой для работы в подполье, тем самым лишив их помощницы, а Катюшу ее будущего. Но больше из всех возможных напастей престарелые родственники боялись, что враг наступал и, в случае оккупации села немцами, над их единственной кровиночкой могли надругаться, как это по слухам было в других оккупированных территориях.

Дед с бабкой хоть и были еще крепки здоровьем, но какие из них защитники, ведь не было былой силы в руках. Эти мысли мучали стариков и лишили их покоя, ведь они хотели лучшего

будущего для внучки, но не могли этого обещать, а с исчезновением молока у единственной кормилицы, ситуация в их доме усугубилась.

Вечером, похлебав на ужин жидкую похлебку с сухарями, бабушка Маруся взгромоздилась на печь, где спала вместе с внучкой.

Услышав коровье мычание женщина прислушалась и, не услышав больше ничего странного, оживилась:

- Ой, совсем забыла старая! – Ругала она себя. - Катюша, голубушка, пойди в хлев, посмотри, чего это там с Пятнышком. Вдруг все же удастся хоть кружку сдоить. – Обратилась к внучке она.

Дед Прохор уже спал к этому времени и голос жены не смог перебить его храп.

Толстая светло-русая коса, откинута за спину, повисла с печи. Красавица обернулась к бабушке и кивнула.

Девушка не хотела еще спать и поэтому резво вскочила с лежанки. Накинув на себя фуфайку и повязав на голову платок, она вставила ноги в калоши и направилась прочь из дома, прихватив с собой керосиновую лампу.

Осветив покосившуюся дверь хлева на заднем дворе, Катя вошла внутрь и тут же увидела, как что-то шмыгнуло за скирду.

«Крысы», - подумала девушка и мысленно напомнила себе, что было бы неплохо Мурку в хлеве прикрыть, дабы кошка подъела вредителей, которые вовсе уже распоясались и хозяйничали по всюду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.